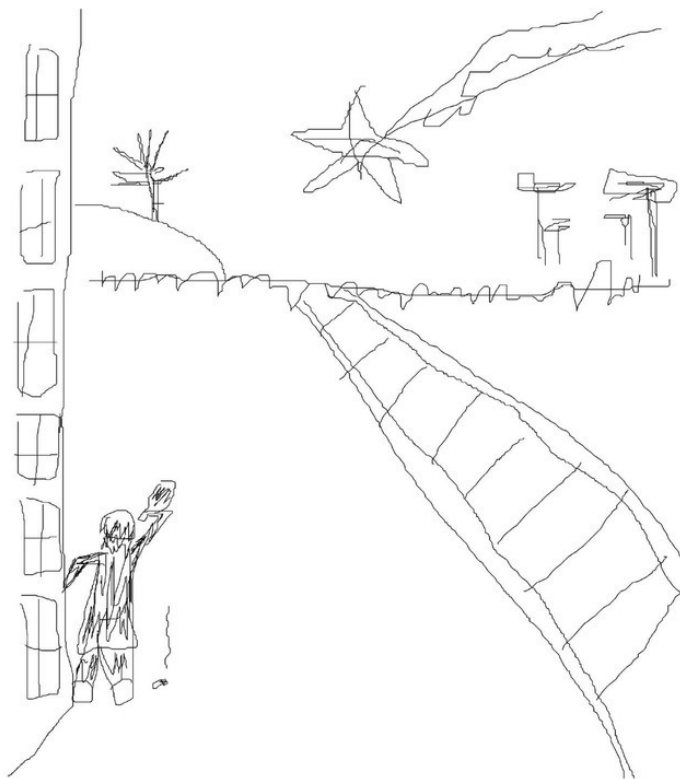

Дима Трифонов
Квартиры и Стадионы

Дима Трифонов

Квартиры и Стадионы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42923415

ISBN 9785449699688

Аннотация

Искра зажигалки... Фильтр сигареты... Вверх уходит пламя, исчезая где-то... Легкие на взводе... Горлышко бутылки... Медленно уходим в солнечном порыве... Дым струится тонкий... Ветер лижет пепел... Смех играет звонкий... Исчезает лето... Тишина Квартиры... Ветер Стадиона... Призраки Квартиры... Сумрак Стадиона... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Лето (начало)	5
«Walls»	9
Электричка	26
Серый «Вэст»	41
Героин	52
Экстази	57
Футбол	65
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Квартиры и Стадионы

Дима Трифонов

© Дима Трифонов, 2019

ISBN 978-5-4496-9968-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любое сходство характеров героев или их имен с реально существующими характерами или именами является абсолютно случайным. Все события, описанные ниже, никогда не происходили и не могли произойти. Все написанное целиком и полностью является художественным вымыслом автора.

Д. Трифонов

**Дима Трифонов.
«Квартиры и стадионы».**

«Что нужно Господу? Нужно ли ему добро или выбор добра? Быть может, человек, выбравший зло, в чем-то лучше человека доброго, но доброго не по своему выбору?»

Энтони Берджесс.

«Заводной апельсин».

Лето (начало)

«Тишина квартиры, ветер стадиона...».

«Flats & Stadiums».

«Лето».

Прошу тебя, избавься от меня. Я просто больше не хочу. Я просто больше не хочу так. Если моя жизнь продлится хотя бы еще на минуту, это будет неправильно. Это будет преступлением. И ты ответишь за это как соучастник. Дай мне ровно столько, чтобы осмыслить мое желание до конца. А потом избавься от меня...

Тебе ведь это совсем не сложно. Я знал много хороших людей, любящих жизнь, стремящихся сделать мир лучше, что-то создать, о ком-то позаботиться... Их больше нет. Почему же я до сих пор здесь? Этот эксперимент меня утомил. Твои образ и подобие заставляют меня смеяться. Видимо, я настолько похож на тебя самого, что тебе любопытно наблюдать за мной. Ты бы никогда не рискнул прожить такую жизнь. А теперь тебе любопытно?..

Смотри, я лежу и плачу от боли, скрючившись на постели, весь в поту и в собственной блевотине. Если бы только ты знал, как мне больно. Словно мне выстрелили в живот из ружья. Мои внутренние органы сгорают огнем, они готовы прорваться наружу, расплавив кожу. Мои кровеносные сосу-

ды, забытые химическим дерьмом разного рода, уже не в состоянии нормально гнать мою отравленную кровь от сердца и к сердцу, а разбитый алкоголем мозг уже не в состоянии трезво смотреть на окружающую меня действительность...

И я готов поверить в тебя. Сейчас самое время поверить, потому что другого выхода нет. Я совсем один. Предатель. Я предал всех вокруг. Всех, кто меня по-настоящему любил. Я сам во всем виноват. Остались мы вдвоем. Один на один. Но даже сейчас я не смею тебя просить. Ведь тебя нет. А люди по-прежнему поклоняются идолам, как и тысячи лет назад. Ничего не изменилось...

Я хочу, чтобы меня не стало. Солнечный свет из окна заливает мою комнату, и я слышу счастливые крики детей во дворе. Я не в силах встать и закрыть шторы. Каждое движение сопровождается сильнейшей острой болью...

Я купаюсь в собственной блевотине, и мне не стыдно. Мне даже не противно. Я целеустремленно к этому шел. Я этого хотел. Совсем, как Степа. Нужно было видеть его состояние, когда я вгонял иглу в его расцарапанную вену в тот день, потому что сам он ни за что бы не сумел этого сделать. Конечно, я не смог удержаться. А потом, глядя на чудесный вид у него из окна, наблюдая за тем, как заходящее солнце купало в ярких лучах мою уничтоженную душу, совсем как тогда, когда я смотрел, как солнце садилось в море, словно таяло в глубине, и Марина была рядом со мной, держала меня за руку, я вдруг понял, почему я не хочу больше жить

дальше...

Я слаб. Избавься от меня, пожалуйста, ведь я так слаб, что никогда не смогу сам этого сделать. Я даже этого сделать не могу. Я хочу, чтобы мне помогли. Я хочу разделить с кем-нибудь эту ответственность. Я хочу, чтобы все сделали за меня. Я просто не могу больше жить...

Ворочаясь в отвратительной едкой жиже, отвергнутой моим организмом, я вспоминаю сквозь полусон, сколько раз я валялся здесь, на этой кровати, в подобном состоянии за все эти годы. И я прошу тебя, пожалуйста, избавься от меня. Вытащи из этого ада воспоминаний, в котором невозможно разобрать, где правда, а где ложь...

А правда заключается в том, что я настолько сильно люблю жизнь, что не хочу, чтобы в ней было место для такого существа, как я. Срок должен подойти. Я с радостью покину строй. Я исчезну. Свет погаснет, и наступит тишина...

Но я хотел бы верить в то, что за смертью что-то есть. Что-то для каждого свое. Там мои города, в которых я никогда не бывал, их рисовало лишь больное сознание обдолбившегося торчка, там звезды, которые отражаются в чистых озерах этих городов, там яркое солнце и легкие облака, там нет войны, и все люди улыбаются друг другу. А еще там нет болезней и смерти, лишь чистота и счастье, красота и вечная молодость. И я действительно хотел бы верить в это...

Я не хочу больше жить, потому что я узнал все, что мне нужно было узнать, и я хотел бы, чтобы эти мысли стали по-

следними. Искренне хотел бы, потому что я не вижу другого выхода из этой ситуации. Я не помню, когда все это случилось, но я помню, как все это началось...

«Walls»

Я перегибаюсь через маленький стол, чтобы успеть ухватить остатки отравленного дыма после Роминого напаса. На конце иголки дымится хэш, и я пытаюсь не пропустить момент, когда Рома напаснется до предела. Вот еще немного, и он протягивает иглу мне. Я собираю остатки дыма, пока Ромчик с хитрой улыбкой наблюдает за мной. Тот еще негодник.

– Иголочка хороша, – улыбаясь, утверждает он.

Роман прав, но, собственно говоря, мне все равно. Я уже нормально убился, и окружающий мир меня не особо интересуется. Хотя, надо признать, этот негодник умеет стильно накуриваться.

– С иголки... – улыбаясь я ему, раскуривая сигарету.

В курении с иглы есть определенный смысл, но я предпочитаю классический способ. Минимум затраты продукта, максимум эффекта. Кроме того, этот прошаренный котяра настолько эстет, что даже не засовывает иглу в бутылку. Говорит, ему достаточно того, пока хэш медленно тлеет на конце иголки. Сука пафосная.

– «Captain Black»? – он кивает на сигарету, на которой я аккуратно завариваю гашиш.

– Ага...

– Вишневым?

– Ага...

Я полностью сосредоточен на процессе приготовления.

– Ты не в себе, дружище, – изрекает Роман, смеясь.

Он прав, но в этом-то и весь смысл. По правде сказать, я даже не знаю, откуда здесь взялась эта пачка. Видимо, Монах притащил из магазина. Он, судя по всему, так и не определился, какие же сигареты начать курить, вот и таскает в дом разную дрянь. Но я, в принципе, совсем не против. Довольно необычно завариться на такой палке.

Из колонок доносится приятный голос. «Веск» думает, что влюбился. Я заканчиваю варить и докуриваю сигарету. Рома с любопытством смотрит на меня выжидающе.

– Думаю, это финальная, – говорю я ему и улыбаюсь. – Твое здоровье...

Я подношу бутылку к губам, делаю ровный напас и оказываюсь прав. Это финал. В глазах мутнеет, мозг отключается на время, и мое тело пронизывают тысячи маленьких иголок. Они впиваются в него, словно кто-то делает мне сеанс иглоукалывания. Меня тащит с нечеловеческой силой. Хорошая варка получилась, и все из-за долбаной сигареты. Вишневый аромат въедается в мой мозг. Только бы сердце не остановилось.

Но на самом деле это не сигарета виновата. Мне просто захотелось побить рекорд Кирилла, который тот поставил пару лет назад, и который так никто еще и не побил, хотя многие подбирались достаточно близко. Два грамма за раз, если я

не ошибаюсь. В моем случае дело останавливалось обычно в районе восьми напасов. Я еще тогда понял, что эту высоту мне взять не удастся. Слишком высокая планка. Уровень высшей лиги. Особенно учитывая события последних суток, из-за чего мой организм набит химией настолько, что на меня впору крепить табличку с надписью «Biohazard».

Ромчик лыбится, как сытый кот, глядя на меня. Этот подлец любит подкалывать тебя, когда ты в таком состоянии, но мне все еще наплевать на все, мне просто кайфово, и я наслаждаюсь этим. Отличный гашиш, давненько такого не было.

Стол являет собой воплощение минимализма. Пачка сигарет, зажигалка, пепельница, полная окурков, официант явно не заработает на чай, черная раскладушка моего телефона, истыканная иглой, на которой еще лежат остатки хеша. Культурное времяпровождение, короче. На полу стоит куча пустых бутылок от выпитого алкоголя. Разнообразие тары наводит мало знакомых посетителей квартиры Монаха на мысль о том, насколько разношерстная компания тусуется здесь на протяжении многих лет.

Роман встает и заглядывает в холодильник. Если он хочет найти там еду, то его ждет явное разочарование. Не сегодня, Ромчик, не сегодня. Теперь моя очередь его подкалывать. Мне по-прежнему очень трудно говорить, поэтому я просто тихо смеюсь, и он понимает, о чем я. Думаю, он обломался, но он не покажет этого. Прошаренный клещ. Я

знаю, что вместо еды холодильник забит пивом до самой морозилки, и это очень приятно для меня. Ромчик достает две бутылки «Жигулей», и протягивает одну из них мне.

– Попей, негодник, может, полегчает.

Я беру бутылку и разом отпиваю половину. Мне сразу становится лучше.

– Очень крутая музыка, чувак, – говорит мне Ромка, кивая на колонки.

Полностью с ним согласен. «Веск» играет с того момента, как мы завалились к Монаху после умопомрачительной тусовки у Ромы на даче. Бедняга Монах. Он глазам своим поверить не мог, увидев нас с Романом на пороге своей хаты пьяных и удолбанных в хлам. Конечно, он должен был бы уже привыкнуть ко всем этим мелочам, но сегодня мне его стало искренне жаль. Впрочем, он, похоже, не обломался, как и мы, естественно. Он вяло пробормотал приветствие, сделав вид, что не спал, и отправился включать свой компьютер. А что еще делать в пять утра, когда к тебе завалились твои лучшие друзья, чтобы провести с тобой эти томительные часы ожидания момента, когда сладость проведенной восхитительной ночи уйдет, количество выпитого алкоголя отольется в канализацию, выкуренная дрянь выветрится из легких, порошок перестанет массировать ноющие кости, а колеса, наконец, отпустят.

– «Веск» довольно гениален, – говорю я, и Рома кивает в ответ.

«Modern Guilt» сменяет «The Information». Лучше не бывает.

Монах вваливается на кухню, открывает холодильник, шарит взглядом в поисках еды, как это делал Ромчик совсем недавно, обламывается и закрывает холодильник. Потом думает пару секунд, открывает его снова и вытаскивает бутылку пива. Мы начинаем аплодировать, когда он открывает ее и делает глоток. Монах ставит бутылку на стол и закуривает сигарету.

Я и забыл, что в этом доме обычно не завтракают. Впрочем, и не обедают. Да и не ужинают уж точно. Во всяком случае, не помню такого с тех пор, как Монах окончательно сюда перебрался лет десять назад. До этого здесь жил его дед, который давно съехал отсюда в наш район, где мы с Монахом познакомились и выросли, и теперь живет с его семьей. Еще когда мы были детьми, дед постоянно бухал, но никогда не забывал накрывать на стол, когда мы приходили к нему в гости. Было бы неплохо возродить эту традицию, но Монах вряд ли займется этим. Если задуматься, то его образ жизни с постоянным сидением дома, одержимостью компьютерными играми и прекрасными быстрорастворимыми обедами, которые запиваются сомнительным по вкусу кофе, ничем не лучше нашего. Однако, когда я услышал, как этот раздолбай играет на ударных, я был в шоке.

Все дело в том, что мы с Романом уже давно играем вдвоем у нас на студии, и все это время никак не могли найти

подходящего нам барабанщика. С Монахом я знаком с самого детства, но никогда не думал, что у него такой талант к музыке. Однажды, когда он уже совсем ебанулся от монитора и одиночества, мы по приколу пригласили его сыграть с нами на студии. Он взял в руки палки и сходу повторил почти все, что я ему показал. Через месяц репетиций он уже овладел всем материалом, и мы сыграли наш первый концерт в Москве. Теперь мы плотно занимаемся записью альбома. Настолько плотно, что вот уже пару недель не брали в руки инструменты и на студию заходили только для того, чтобы разнюхаться, и я уже не помню, когда был трезвым в последний раз.

В конце весны мы с Монахом уволились с завода, на котором работали продолжительное время. У нас возникли проблемы с начальством из-за неправильного распределения финансов среди работников деревообрабатывающей промышленности, и я решил вопрос как дипломированный юрист. Мы отсудили себе неплохую компенсацию. Небольшая сумма, но нам хватило этих денег, чтобы незамедлительно потратить их на алкоголь и наркотики в течение пары дней. Таким образом, мы обеспечили себя неплохим арсеналом разного рода химических веществ и алкоголесодержащих напитков разного калибра. Необходимый минимум для успешных репетиций.

Я всегда мог позволить себе не работать. Я имею неплохой приработок на стороне, и мне не нужно сильно напрягаться.

Однако я всегда работал, сколько себя помню. Это не значит, что я впахиваю на рабовладельца с утра до вечера. Моя трудовая книжка с пятнадцати лет забита разного рода местами, где я зарабатываю деньги. Я часто меняю место работы время от времени. Все дело в том, что она дисциплинирует. Это единственное, что может удержать меня от неприятностей, с которыми в любом случае сталкивается психика, когда часто имеешь дело с алкоголем и наркотиками.

Монах немного напился и начинает что-то возбужденно говорить, размахивая руками. Что-то про компьютер, как мне кажется. Что-то про уровни и магию и прочую компьютерную херню. Меня, правда, это не особенно волнует. Я по-прежнему не могу сконцентрироваться на словах, ведь действие колес и порошка почти прошло, а хэш очень круто меня перекрыл. На время, ясное дело.

Монах продолжает что-то втирать нам, и Рома, похоже, начинает врубаться в тему. Опрометчиво с его стороны, так как я тут же начинаю лепить еще. Надо оставаться на одной волне, пока есть возможность. А Монаху накуриться просто доктор прописал. Чтобы вся эта херня выветрилась из его головы.

– Думаю, надо докурить, парни, – я киваю на остатки хэша, раскуривая сигарету.

Мне, впрочем, уже достаточно, но не хочется оставлять. Рома кивает и хватается иглу, сканируя мой телефон в поисках гашиша. Монах, допив бутылку, решает покурить с нами.

Отличный парень, на самом деле. Встретить веселых друзей, в пять утра ввалившихся к тебе домой, поспав при этом не больше двух часов, так как компьютер занимает огромное количество времени, столько, что встает острая необходимость забить на работу, на сон, всадить крепкий кофе, хорошо, остался сахар, видимо, с дедовских времен, а в холодильнике, кроме пива, несколько банок майонеза, никто не знает, что они там делают, но это просто данность, ни грамма еды в желудке, лишь ночной кофе вперемешку с накипью, выпить пивка, дернуть гара, а бутылка уже наполняется волшебным дымом. Я завариваю Монаху, а Ромчик уже всюю напасывается с иголки.

Монах тем временем топает к холодильнику и достает еще несколько бутылок пива. Очень продуманно с его стороны, так как скоро он не сможет так вот запросто передвигаться по кухне. Этот хэш – лучшее, что я пробовал за последнее время. Неудивительно, что он так быстро у меня расходуется, пользуется большим спросом. Впрочем, его надолго хватит, можно не волноваться. Данила подгонит еще. Это и есть мой приработок.

Я протягиваю мутную бутылочку Монаху. Один напас, и я оказываюсь прав. Он садится на стул и пару минут сидит неподвижно. За это время я напаснулся сам и сварил ему еще. Монах, измученно улыбнувшись, принял наказание из моих рук, использовав весь свой объем легких. Я делаю всем еще по одной, и гашиша не остается. Это хорошо, так

как я больше не в состоянии курить. Совсем.

«Walls» звучит из колонок, и я забываю обо всем на свете. Мы убиты в хлам, а восходящее солнце светит ярко-ярко сквозь деревья, на ветках и листьях которых повисли огромные капли после ночного ливня. Мы вдвоем предусмотрительно переждали его в доме Романа на его даче, глядя из окна комнаты на втором этаже на маленькую речку, поделившую его участок надвое.

Солнце играет в легком летнем дожде, переливаясь ослепительно-яркой радугой. Отличное время суток, если только не нужно рано вставать, начало лета, и люди спешат на работу, бедняги, кто куда. Я смотрю в окно на улицу и чувствую себя абсолютно счастливым. Впереди беззаботное время, как в детстве, не знаю, сколько оно продлится на этот раз, но я не хочу терять ни единого мгновения этого глотка свободы.

Квартира Монаха, со мной мои друзья, и мне совсем не хочется возвращаться домой, но скоро это нужно будет сделать, ведь я не ночевал там уже несколько суток, да и вообще не спал много времени, нужно вернуться, принять душ, выспаться в чистой постели, проснуться, умыться, почистить как следует зубы, выпить кофе с шоколадом, выкурить сигарету и настроиться на очередной трип, который, я уверен, снова затянется на несколько суток...

Мы пьем пиво и вспоминаем события последних часов. Я проснулся ровно в двенадцать. Зазвонил будильник, и я от-

крыл глаза, радуясь солнечному утру и предвкушению будущего веселья. Немного кружилась голова после пива и гашиша накануне, но я знал, что все это скоро пройдет, ведь это была всего лишь небольшая репетиция перед ответственным делом, и я набрал номер Романа, подождал, пока тот ответит мне заспанным голосом, поздравил этого негодника с днем рождения, а он что-то мычал в ответ, но я уже не слушал. Я сказал ему, что он должен встать и привести себя в порядок, так как банкет уже оплачен, и от него требуется лишь белый верх и черный низ, так что пусть поднимается и наслаждается весельем по максимуму.

Я положил трубку, встал с постели и отправился в ванную. Я встал под прохладный душ, вымыл голову, почистил зубы, вышел на кухню и приготовил себе крепкий черный кофе с коньяком. Затем я оделся, слопав на ходу плитку шоколада, выпил кофе, выкурил сигарету, вышел из дома и отправился к своему другу.

Спустя полчаса я уже стоял у Роминого подъезда. Через несколько минут появился заспанный именинник. Помню, выглядел он явно не лучшим образом. Видимо, накануне, когда я уже ушел домой, они с Монахом нашли способ весело провести время. Он выглядел, как потрепанный дворový кот, и пока мы шли до Монаха, я не переставал подкалывать его. Роману тоже стало весело, когда он вспомнил, как они провели время после моего ухода. Он смеялся и говорил, что не стоило пить виски, когда я уже ушел, чесал го-

лову и виновато смотрел себе под ноги. Пристыженный кошара, нассавший под диван. Я старался не засмеяться, глядя на него.

Монах, видимо, спал, когда мы добрались до его квартиры, но мы проявили настойчивость, колотя в дверь и давя на кнопку звонка, так как эта дверь разделяла нас с холодильником на кухне нашего друга, в котором еще наверняка оставалось немалое количество пива. Наконец, дверь открылась. Оказывается, этот тощий мудака даже и не думал ложиться спать.

– Диман, я тебе говорил, чтобы ты сделал дубликат ключей и не отвлекал меня от важных дел, – уставившись в экран монитора, проворчал он.

Типичный компьютерный задрот. У меня даже не было желания возражать ему. Роман же, напротив, вступил с ним в полемику, начал его задевать и злить. Это Ромчик умеет делать очень качественным образом. Бескомпромиссный засранец. Особенно, учитывая его состояние.

Я незамедлительно прошел на кухню, достал из холодильника пару бутылок пива и направился в комнату. Я протянул одну бутылку развалившемуся на диване Роману, одну открыл сам и плюхнулся в кресло напротив Монаха.

Вот уже несколько лет с этого ракурса нам видна лишь спина хозяина квартиры, потому что этот тупой мудака проводит за компьютером большую часть своего никчемного времени. Если только не играет с нами. Здесь к нему претен-

зий нет. На самом деле, мне нравится наблюдать за тем, как он играет. Сам я никогда не занимался этой ерундой, но, накурившись, слушая музыку и посасывая пиво, я люблю развалиться в кресле и пялиться в монитор.

Я допил бутылку, отправился на кухню и взял еще, вернулся в комнату, протянул пиво Ромчику и Монаху, включил плеер, подсоединенный к колонкам, выставил на нем «Libertines», сделал глоток и откинулся в кресле, наслаждаясь пропитым голосом Питера Доэрти.

Я сидел и вспоминал прошлый день рождения Ромы, когда мы замутили очень неплохого сахара, поделились с Монахом, потом пошли на старый стадион, оставив бедного ублюдка в одиночестве сидеть за компьютером, и я помню, как начался сильный дождь, а нас несло, как на американских горках, и я выбежал под теплый летний ливень прямо в центр поля и запалил фаер, оставшийся после очередного выезда, и это было незабываемо, потому что Ромка совершенно не ожидали такого, а когда мы вернулись обратно к Монаху, на того было жалко смотреть, и мы всю ночь пили пиво, курили гашиш и слушали «Дельфина»...

Покончив с пивом, мы с Романом отправились к нему на дачу, чтобы подготовить все необходимое для веселого времяпровождения. Монах сказал, что подтянется немного позднее, так как к нему в гости должна была зайти его знакомая дамочка. Я не мог вспомнить, когда в последний раз видел Монаха с девушкой, видимо, все это время он до-

вольствовался своей рукой, так что мы были за него рады и не спорили.

По дороге мы с Романом зашли в магазин и взяли несколько «Гинессов». Мы шли по проселочной дороге, солнце светило невыносимо ярко, мы прикладывались к бутылкам старого доброго темного, и хотя Рома не особо любит его, все же поддержал меня, ведь это был особенный день.

Мы шли, наслаждаясь погодой. Я не люблю солнце, но меня все радовало тогда, все было в тему, и Рома начал рассуждать о нашей музыке, я поддержал его, и вот мы уже немного напились, спорили друг с другом, смеялись. Я говорил ему о том, как сегодня будет весело, он кивал, закидывался пивом, и мы шли дальше, а потом остановились у небольшой речки и сели на камни. Мы сидели, смотрели на течение некоторое время, на то, как вода бежала быстрым потоком, билась о камни, пили пиво и спорили о музыке.

Через некоторое время мы подошли к участку, который возвышался на пригорке, спустились вниз, и я увидел дом, расположенный прямо на берегу живописной речки, поделившей эту местность надвое. Мы расположились в уютной беседке, стоявшей посередине участка, и все уже было готово к вечеринке, когда к нам присоединились Макс и Кирилл. Мы сразу же приступили к курению гашиша, и к тому моменту, когда появились Миша и Санчес, были уже весьма убиты и попивали пиво, заботливо спрятанное в огромный пакет, погруженный в воду, чтобы оно всегда оставалось хо-

лодным.

Спустя какое-то время Роман предложил нам покурить шмали, которую мы с ним вырастили у него в доме. Мы заварились, и я сделал пару напасов, а потом еще докурил за всеми остальными, так как те отказались продолжать марафон, откинулся в кресле и залип на лес.

Через пару минут я понял, что сидеть просто так невозможно. Я много чего перепробовал за последнее время, но эта смесь оказалась куда сильнее всего прочего. Я был горд за нас с Романом. Я встал и неровными шагами отправился в сторону леса. Помню, как добрался до самого конца участка и обернулся. Я увидел перед собой огромный город, бразильские трущобы и фавелы, статую долбаного Христа и переполненные стадионы. Маленькая речка казалась мне шумным океаном, и я стоял и смотрел на него, слушая гул толпы на футбольном поле, и диктор объявлял что-то по стадиону, а потом картинка начала медленно меняться, и я снова оказался на участке, поделенном небольшой речкой надвое, увидел своих друзей, которые по-прежнему сидели за столом и смеялись.

Помню, как проковылял к берегу, достал пиво и раздал всем по бутылке, потому что это именно то, что было необходимо всем нам в тот момент, сел на свой стул и сказал: «Знаете, было бы неплохо на чемпионат мира по футболу в Бразилию сгонять...».

Прошло несколько часов, и все уже порядком убились,

а Монах так и не пришел. Видимо, трахал там свою знаковую дамочку и не мог оторваться. Роман – прошаренный котра – отправился в дом и приволок неизвестно откуда взявшиеся там колеса. Видимо, скрыл от меня их приобретение, длинный засранец, но я был ему только благодарен, как и все остальные.

И вот спустя совсем немного времени я уже смотрел на Санчеса, который танцевал прямо на столе, пиная ногами пустые банки и бутылки, едва не падал, прыгал и размахивал руками, и мы смеялись, вспоминая, как он заглотил сразу два колеса, и теперь его конкретно тащило. Мы с Ромой закинулись по одной, но я-то знал, что, спустя некоторое время, мы обязательно повторим еще.

Помню, мы начали конкретно угарать после того, как этот безумец Санчес, проблевавшись прямо во время своего ебаного настольного танца, сказал: «Надо бы еще одно колесо сожрать!» Мы, естественно, поддержали это начинание и слопали еще по одной таблетке вместе с ним.

Через несколько часов все уже конкретно выбились из сил. Макс и Кирилл завалились спать в доме, Санчес в итоге вырубился прямо на столе и остался валяться там среди разбросанных им бутылок и банок. Миша заснул в кресле, и только мы с Романом продолжали варить хеш, передавая друг другу бутылку и попивая пиво.

Спустя некоторое время именинник тоже отправился спать, а я, чувствуя себя в состоянии продолжать веселить-

ся, главным образом потому, что солнце еще не село, отправился домой за оставшимся у меня после очередной тусовки порошком.

Когда я вернулся обратно, все ебланы начали потихоньку приходить в себя, а вид дорог, которые я раскатывал на столе, быстро вернул их к жизни. Мы снюхали каждый по трэку, и веселье продолжилось.

Спустя пару часов мы с Романом остались сидеть одни на берегу речки, слушая «Sonic Youth» и плясь в звездное небо и на волшебный лес за его участком. Мы допили все пиво и теперь просто заваривали остатки хеша, передавая друг другу бутылку с дымом. Это был один из лучших моментов в моей жизни. Любимая музыка, мой друг, и мир вокруг нас...

Когда мы выходим от Монаха на улицу, часы показывают семь утра, и я провожаю Рому до его подъезда в соседнем доме. Мы не знаем, какой сегодня день, судя по всему, не выходные, так как вокруг уже достаточно много людей, и мы выкуриваем по сигарете у Роминого подъезда, прощаемся, и я отправляюсь, абсолютно счастливый, домой по своей любимой старой железной дороге, связывающей два наших района, по которой уже давно не ездят поезда, отличное место для того, чтобы побыть наедине с собой, прийти сюда и погрузиться в атмосферу, где время остановилось, и солнце слепит глаза, а утренний воздух отрезвляет и придает сил, но ровно столько, сколько нужно, чтобы добраться до дома,

а больше и не нужно, и я иду вперед, в новый день, чувствую сплошной позитив, я устал, очень устал, но я доволен жизнью, я иду вперед, я возвращаюсь домой...

Я прохожу железку и решаю выкурить сигарету на восточной горке, в которую упирается железная дорога. Я стою под огромной сосной, на которую мы так часто лазали с Монахом в детстве, вспоминаю события последних дней и смотрю на восходящее солнце, улыбаясь его ярким лучам, пронизывающим туманный воздух, восхитительно свежий после ночного дождя.

Я уже во дворе своего дома, захожу в подъезд, поднимаюсь на лифте на шестой этаж, захожу в квартиру, разуваюсь, прохожу через свою комнату на балкон, закуриваю сигарету, наслаждаясь легким дымом и радуясь новому дню, бросаю окурочек в пепельницу, возвращаюсь в комнату и падаю, не раздеваясь, на кровать. Самое время отдохнуть и набраться сил. Уверен, завтра они мне понадобятся.

Электричка

Я просыпаюсь. Едва провалившись в сон, открываю глаза. Так всегда бывает, когда слишком устал, сидишь в поздней электричке и постепенно вырубаешься, когда слабость почти до тошноты накатывает на уставший мозг после очередного трудного дня, проведенного в столице.

Я полулежу на жестком деревянном сиденье в неотапливаемом вагоне и сонно глазею по сторонам. Раздолбанный вагон почти пуст. Хотелось бы узнать, где я. В холодное время года, если засыпаешь в электричке, потом сложно понять, в каком направлении двигался с самого начала. Особенно, если едешь часто. Я смотрю в окно, но ничего не вижу там, кроме поздней осени, отражения вагона и своего измученного лица. Электричка притормаживает, и я пытаюсь разглядеть перрон, надеясь прочесть название станции. Внутренняя связь, конечно, не работает. На машиниста надежды нет. Я вглядываюсь в темноту, и сквозь отражения лампочек перед глазами проскакивает надпись «Трудовая».

Иногда трудно врубиться, проснувшись и прочитав название, в какую сторону едешь, но сейчас мне все ясно. Я вспоминаю, как час назад тусовался на Савеловском вокзале, а Миша и Санчес, еле держась на ногах, провожали меня домой. Они сейчас в тепле в том самом клубе, из которого я совсем недавно вывалился на грязный осенний столичный

тротуар, ясное дело, пьяные ублюдки, а я вынужден трястись здесь, в раздолбанной холодной электричке.

Вечеринка слишком затянулась. Как обычно, впрочем. Всякий раз, оказываясь в компании Миши и Санчеса, понимаешь, что это надолго. Так просто все не закончится. Ты будешь пьян, удолбан, убит в хлам, очнешься в паршивом настроении, с трудом вспоминая прошлые сутки, восстанавливая обрывистые картины аморальных бесчинств, творимых накануне, мелькающие в больном сознании фрагменты событий и лица друзей и знакомых, рискнувших провести с тобой этот очередной трип нашей обычной повседневной жизни, который слишком растянулся. А все из-за того, что кто-то не знает меры, не сумел вовремя остановиться, как и всегда, впрочем. Всякий раз думаешь, что вот эта бутылка или напас, или дорожка сомнительного порошка, или что-то там еще будут последними, но уже на следующее утро ты будешь сильно жалеть о том, что не сдержался.

Раньше такого не было. Раньше можно было пить, курить и разнохиваться несколько дней напролет и не чувствовать усталости, похмелья и прочей херни. Видимо, дело в возрасте. Со временем все стареет, так почему же это нельзя отнести и на мой счет?

С того момента, когда мы сидели вдвоем с Романом на берегу небольшой речки на его даче, слушая «Sonic Youth» и пляясь на звезды, а потом вломились к Монаху под утро, прошло уже пару лет, а такое ощущение, будто это было вче-

ра. За это время мы записали альбом, отыграли несколько концертов в Москве и Питере и получили неплохие деньги, а сейчас работаем над новой программой.

Я сильно изменился за последнее время. Скорее всего, дело в наркотиках. Просто сейчас уже невозможно разобраться, что случилось со мной с тех пор, как все это началось. Что это? Возраст или химия? Я не знаю. Но я точно знаю, что прошлую романтику сказочно-алкогольных вечеров и божественно-наркотических дней уже не вернуть. Она исчезла. Она в прошлом. Навсегда.

Последний раз я ездил в Москву прошлой зимой почти год назад на концерт группы «Heroin». Это было в клубе «Blow Up». Мы с Романом немного опоздали, так как искали этот ебаный клуб около часа, петляя среди московских дворов и переулков. Хорошо, что нам повстречался какой-то чувак в балахоне «Nirvana» и указал дорогу. Выяснилось, что нам по пути. Мы блуждали по темным московским подворотням, и они с Романом что-то живо обсуждали всю дорогу, а так как я уже в электричке начал закидываться пивом и к этому моменту был уже весьма пьян, меня этот разговор особо не интересовал. Что-то о музыке, как я понял.

Ввалившись внутрь, я сразу же наткнулся на Санчеса, который тут же повел нас к столику, за которым уже бухали знакомые лица. Я заметил Сеню, удивившись, что этот псих еще жив, Стаса и вместе с ними несколько злобных пацанов из их банд, с которыми я частенько гонял на футбол в пе-

перывах между репетициями и пьянством, Аню, Асю и какую-то милую девчонку рядом с ними, Степу, Джона и Синего, тянувших свое пиво за соседним столом, еще несколько знакомых парней и девчонок. Миша сидел с гитарой и в общей суете, наклонившись к струнам, пытался что-то сыграть. Похоже, они со Степой и компанией уже успели поставиться, хотя нельзя было сказать наверняка. С героином всегда так. Никогда ничего нельзя утверждать наверняка.

Не успел я сесть на стул, как передо мной уже стояла полная стопка. Недолго думая, я поднялся, сказал что-то типа: «За встречу» и осушил предложенный мне напиток. Потом я закурил, а Санчес начал мне втирать что-то о музыке, предстоящем концерте, благодарить за то, что мы все-таки приехали, что без нас все было бы по-другому, что он рад, что сыграет сегодня для меня, спрашивал, когда же, наконец, и мы запишем новую программу и выступим, но я не слушал. В общей суете я глазами искал Кристину, но знал, что она вряд ли появилась бы тогда там. Я бы хотел ее увидеть еще раз. Последний раз.

Спустя какое-то время появился Данила. Мы договаривались встретиться с ним здесь по делу. Кроме того, он шарит в музыке, а данное мероприятие как нельзя кстати подходит для совершения разного рода наркоделок. После того, как мы обыграли все наши дела, он отправился за столик к Сене и Стасу. Видимо, он не только со мной договорился о встрече. Но футбольные дела меня уже не касаются, поэто-

му, в очередной раз освободившись от объятий Санчеса, я направился в бар.

Я подошел к стойке и увидел там Макса и Кирилла. Они пили пиво, и я, естественно, составил им компанию. Я был рад их видеть. Круто, что Макс сыграл тогда с Мишей и Санчесом. Найти хорошего барабанщика трудно, и я рад, что порекомендовал группе «Heroin» послушать его. Мы познакомились с ним на одной из репетиций, когда Кирилл привел его к нам в студию. Он сильно меня младше, но это не мешает ему быть одним из немногих из его поколения людей, кто рубит фишку в правильном музле. Кирилл тоже из числа таких пацанов. Наши мамы дружили, и он рос на моих глазах.

Спустя какое-то время они отвалили, а я решил сосредоточиться на бухле. Роман где-то растворился, и мне ничего не оставалось, как начать пить с барменом. Мы выпили по паре стопок, когда ко мне подседа та девчонка, которую я заметил за столиком Ани и Аси. Она определенно выделялась на фоне других, и мы втроем принялись пить и обсуждать предстоящий концерт.

Бармен – крутой перец, руки в татуировках, не помню сейчас его имени, и мы отлично потрындели о музыке и наркотиках пока пили. Крепкий парень, как я помню. Мы опустошили втроем бутылку водки, закусывая все это дело лимоном и закуривая сигаретами.

Я заметил, что Кирилл сидит за одним столом с Сеней и Стасом, и немного напрягся. Я знал, что ему начинают нра-

виться движухи вокруг футбола, и переживал за него. Слишком серьезная эта компания для такого парня, как Кирилл. Впрочем, не люблю давать советов, и не мне его учить.

Ко мне несколько раз подходил нарисовавшийся Роман, проверяя, в каком я состоянии, громко ржал, указывая на количество водки в моем стакане, пил со мной и отваливал по своим делам. Когда «Heroin» начали играть, я быстро влил в себя еще одну порцию, схватил девчонку за руку и, шатаясь, увлек ее за собой к сцене.

Это было одно из лучших живых выступлений, на которых я когда-либо присутствовал, а их было немало. Я смотрел на Мишу, а он стоял на коленях вплотную к комбику и извлекал из гитары психоз. Мой мозг, подогретый алко-голем, слишком четко воспринимал его гитарное безумие. Мишу тащило по полной, как и меня, впрочем, и я смотрел на Санчеса, выплясывающего с басом на краю сцены. Макс лупил по барабанам нереальные сбивки, а когда они начали играть «Sugar Buddah», весь зал накрыла волна рваного безумного ритма. Я пытался разглядеть кого-нибудь в этой суете на танцполе, но не мог. Зрение уже не фокусировалось, и я выплясывал первобытные танцы у края сцены рядом с огромным усилителем, оглушающим меня гитарными звуками.

Дамочка была примерно в таком же состоянии, что и я, и вот мы уже танцуем, прижавшись друг к другу, и она притягивает меня к себе, целует в губы, я отвечаю ей, она очень

сексуальна, и мой член уже готов выпрыгнуть из штанов, она шепчет мне на ухо, что хочет меня, и я хватаю ее за руку и начинаю сканировать помещение в поисках туалета, нахожу его в самом дальнем углу, и мы бежим с ней туда через весь зал, заходим внутрь, закрываем дверь, проходим в кабинку, расталкивая по пути случайных посетителей местного толчка, и парней и дамочек, и мне всегда нравилось, что в таких местах, обычно, совмещенные туалеты, ведь это придает определенный блядский шарм таким заведениям, и я очень сильно пьян, меня конкретно шатает из стороны в сторону, поэтому я не сразу могу попасть своим прибором куда нужно, она смеется, но смеется по-доброму, потому что мы с ней на одной волне, и вот я, наконец, попадаю и начинаю совершать знакомые телодвижения, она начинает стонать, ей определенно нравится этот процесс, как и мне, естественно, и вот она уже кончает, почти кричит, а этот долбаный алкоголь заставляет меня продолжать вставлять все глубже и глубже, время уже не имеет смысла, и кто-то стучит по двери кабинки и орет, чтобы мы открывали, но, я думаю, что он определенно идет нахуй, потому что абсолютно ничто не заставит меня выйти сейчас отсюда, пока я не кончу, и я слышу группу «Nergoin» здесь, в этом долбаном туалете, вгоняя свой снаряд между ног этой классной девчонки, и вот, наконец, я кончаю, успеваю вытащить, и вязкая жидкость орошает ее тело, она успевает взять в рот, и я наслаждаюсь теплотой ее губ, это грязно, действительно грязно, но алкоголь превра-

щает нас в животных, а мы с этой дамочкой слишком похожи, чтобы жалеть о сделанном завтра утром, напротив, мы вспомним это и улыбнемся, мы не станем лицемерить и рассказывать своим детям о том, как прилежно учились в школе и были лучшими сотрудниками у себя на работе, о том, как нас хвалили преподаватели или начальники, как мы были примером для сверстников или образцовыми и прилежными детишками, как нами гордились наши родители, потому что это неправда.

Мы целуемся некоторое время, когда все уже закончено, потом выходим из туалета, и я окидываю презрительным взглядом тех мудаков, что стучали нам, мы выходим в зал, идем к сцене, где все еще играет группа «Heroin», тусуемся там какое-то время, и я чувствую огромное желание снова выпить, направляюсь к своему бармену, и мы пьем с ним снова, словно я и не уходил отсюда, а моя девчонка наслаждается музыкой возле сцены, я смотрю на нее и даже не знаю, как ее зовут, но это ведь совсем не важно сейчас, я накидываюсь водкой здесь, вместе с этим барменом, отлично разбирающимся в музыке татуированным парнем, а «Heroin» сегодня реально на высоте, и я почти позабыл о Кристине, все, что мне хочется сейчас, так это напиться до неменяемого состояния, когда уже невозможно впихнуть в себя еще одну порцию алкоголя, и, похоже, я – на верном пути...

К концу выступления я просто выбился из сил и еле дер-

жался на ногах. Я помню обрывистые моменты прощания, выхода из клуба, рыхлый снег под ногами, яркие огни города, редкие картины подземки, незнакомые лица, Романа, следившего за тем, чтобы я не упал, и кучу знакомых людей, возвращающихся вместе с нами домой.

Когда я вывалился из метро на Савеловском вокзале, то почти ничего не видел перед собой, одни только блики в глазах. Роман повел нас по вагонам, пытаюсь отыскать теплое место, но меня вскоре это заедало, я еле держался на ногах, да и вообще конкретно устал. Я рухнул на первое попавшееся сиденье. Помню, напротив тусовались какие-то девчонки, и я, недолго думая, начал подкатывать к ним. Не помню даже, как они выглядели, сейчас все смешалось в одно огромное яркое пятно, но мы о чем-то разговаривали с ними, и нам было весело.

Я не помню, когда именно появился Миша, но отлично помню, как мы стояли в тамбуре, и он заваривал превосходный хеш, осторожно держа стеклянную пивную бутылку с пробитым дном, и я напасывался несколько раз, передавая кумар Санчесу и Максусу, я и группа «Heroin», дым в тамбуре и холод за окном...

Потом, судя по всему, я вырубился, потому что, когда пришел в себя, вокруг все спали, а меня мутило так сильно, будто я попал в адский шторм в открытом море. Я поднялся на ноги и потащился в тамбур. Едва открыв дверь, я повернул влево к окну и заблевал все двери прямо вниз от над-

писи «Не прислоняться». Прокашлявшись, я выпрямился и, уткнувшись спиной в стену, закурил сигарету.

Только тут боковым зрением я заметил в противоположном конце тамбура девушку, которая испуганно смотрела на меня. Мне ничего не оставалось, как только сказать ей: «Привет» и улыбнуться, как ни в чем не бывало. Словно это не я только что на ее глазах заблевал половину тамбура, а теперь стою тут и, широко улыбаясь, говорю ей: «Привет». Она кивнула и, как ни странно, тоже улыбнулась. Я сказал, что у меня был трудный день, или что-то в этом духе, бросил докуренную сигарету и вернулся в вагон.

Сев на свое место, я начал ржать, чуть не обоссываясь от хохота. Охуительно веселая ситуация, если разобраться. С таким же успехом я мог наблевать и на нее, если бы, открыв дверь, повернул голову в другую сторону, или на какую-нибудь старушку, или чувака, возвращающегося домой, или стаю гопников из Катюара, или кто там еще ездит в электричках в этот час. Да кто, блять, угодно, если задуматься.

Мне было весело тогда. Это было время нескончаемых тусовочек в московских клубах с живой музыкой, бесконечных концертов и безумных вписок в непонятные адреса, где все мы урабатывались в хлам. Я вспоминаю концерты, на которых присутствовал, нескончаемые вписки на выступления «Дельфина» и многие другие мероприятия, где мне удалось побывать.

Москва – отличный город для того, чтобы классно про-

вести время, но вот жить там я точно не готов. Слишком стремительно развиваются события. Слишком много суеты и беспокойства. Такое ощущение, что все люди, которых ты встречаешь в метро или на улицах, под кайфом. Проснулись и поставили себе клизму с кокаином с утра пораньше. Они все куда-то торопятся, а я не люблю спешить. Меня это выматывает и обламывает. Кроме того, если слишком спешить, то можно и успеть...

Я оглядываю своих попутчиков, людей, которые едут в этом же вагоне, и мне вспоминается тот странный чувак, которого я встретил однажды в электричке, возвращаясь из Москвы домой после очередного алкогольного и наркотического загула. Я сидел, откинувшись на спинку жесткого сиденья и дремал, когда почувствовал его пристальный взгляд. Он смотрел совершенно безобидно, но заинтересованно. Мне стало странно. Мы разговорились о музыке и фильмах, и он вдруг спросил, не хотел бы я, чтобы он сделал мне минет. Я был конкретно ушатан и, приложившись к остаткам пива, подумал, что это может быть весьма забавно.

Так и получилось. Мы вышли с ним в тамбур, и я засунул свой хер ему в рот. Этот педик в совершенстве дерьмово владел данным предметом, и когда он начал, я не смог удержаться от распирающего меня изнутри смеха. Он, видимо, подумал, что мне нравится то, что он делает, потому что я весь дрожал от приступа нервного хохота, и мне ста-

ло смешно еще больше. Я попытался отключиться на время, тупо представив, что мне отсасывает Памела Андерсон, или кто-нибудь еще из голливудских проשמандовок, но минет был настолько некачественным, что даже моя бурная фантазия не смогла спасти ситуацию. Я так и не кончил, сказав ему, что слишком удалбан, или что-то еще в этом же духе, что мне нужно просто отдохнуть, а сам еле сдерживал смех. Он ушел, видимо, обидевшись, в другой вагон, а я вставил сигарету в зубы и разразился громким истерическим хохотом. Мне определенно было весело тогда.

И вот сейчас я еду в такой же электричке. Думаю, это в последний раз на долгое время. Хватит с меня Москвы. Я недавно уволился с работы в центре и не собираюсь больше возвращаться в этот город.

Я выхожу в тамбур и закурываю сигарету. Когда я проснулся, начался мелкий дождь, который усиливался с каждой минутой. Поздняя осень берет свое. Я курю, плясь на дождь через грязные стекла последней электрички на Савелово, вижу приближающиеся огни своего города и думаю об Ане.

Мы совсем недавно расстались с ней, и мне часто бывает тоскливо без ее уютной кухни, ночного чая, ее заставленной картинами комнаты, где, когда я входил, не всегда мог сразу разглядеть ее, ее теплое нежное тело, длинных темных волос, ее запаха, ласкового голоса. Она спасла меня когда-то, когда я загибался от слез, валяясь в пустой комнате, даже

не пытаюсь заснуть, бредил Кристиной.

Бессонные ночи, мокрая насквозь подушка, отсутствие аппетита, минимум общения с окружающим миром, и нет желания выпить с друзьями или поговорить с родителями, пустота и тишина, желание исчезнуть как можно скорее, отсутствие в течение нескольких месяцев в этой жизни, и сейчас я даже не могу вспомнить совершенно ничего из того времени, потому что меня просто не существовало тогда.

Она спасла меня. Эти встречи на ночном канале, где мы занимались с ней сексом на теплых плитах, поцелуи под дождем, нескончаемые тусовки с ее друзьями, поездки на фестивали. Мне нужно было сменить обстановку, забыть все, что меня связывало с прошлой жизнью. Она спасла меня.

«Анечка просила снять маечки». Ее все вокруг звали Анечкой. Это очень подходило ей. А секс был просто бесподобен. Одна из лучших женщин, с которыми я спал. Мы подолгу сидели в ее комнате и слушали музыку, пили вино или трахались. Иногда я играл на гитаре. Ей нравилось, когда я играл и пел. Она прекрасно рисовала, а меня тянет к нестандартным личностям. Спать с ними одно удовольствие. Со всем не похоже на секс с другими. В таких всегда влюбляешься из-за их мышления. А потом трахаешься с их сознанием.

Я всегда влюблялся в женщин с сильным интеллектом. Внешность никогда не имела для меня большого значения, кроме того, честный, открытый и добрый человек не может

быть некрасивым снаружи. У Ани с внешностью было все более чем в порядке. Сельма Хаек в фильме Родригеса. Она была прекрасна, а я, как обычно, все испортил. Она долго переживала из-за того, что мы разошлись. Она этого не хотела. А я повел себя, как настоящий дятел. Лишь только боль, оставленная Кристиной внутри меня, немного утихла, я ушел. Я снова вернулся в ту жизнь, в которой Аня не смогла бы быть со мной, как и любая другая женщина. А правда заключается в том, что я – мудака. Я бросил ее из-за наркотиков и свободы, в которой нет места ее нежности и доброте. Я предал ее, как когда-то предал Кристину...

Электричка останавливается, и я вываливаюсь из вагона под проливной дождь. Я закутываюсь в плащ, пытаюсь спастись от порывов ветра. Белые «Адидасы», за это время уже потерявшие свой изначальный цвет, моментально промокают, пока я бегу по лужам мимо вокзала с огромной надписью «Дмитров».

На стоянке такси нет ни одной машины, что вполне естественно, учитывая время, но мне не привыкать ходить пешком. Я вставляю наушники, и «Sonic Youth» заполняет мое сознание. Я перехожу дорогу и знаю, что у меня в запасе еще полчаса быстрой ходьбы по лужам под проливным дождем и холодным осенним ветром.

Было бы неплохо отправиться прямо домой, потому что я конкретно устал и слишком вымотан, чтобы продолжать тусоваться, кроме того, давно не виделся с мамой, но пер-

спектива встретиться с Романом у Монаха, естественно, берет верх, и я отправляюсь на «Космос»...

Серый «Вэст»

«Улица имени советских космонавтов». «Космос». Это, пожалуй, самый дрянной райончик нашего города. Некоторые, впрочем, смогут составить ему конкуренцию по количеству отморозков, наркоманов, алкашей, разношерстного быдла, поножовщины, нескончаемых махачей с чужаками да и между собой, особенно в девяностые, убийств и прочей херни, но этот район, по моему мнению, занимает все же первое место. Лидер турнирной таблицы, так сказать.

Мне, впрочем, все равно. Дело в том, что я рос в этом ебаном гетто и знаю большинство местных ублодков, с которыми опасно иметь дело. Хотя многие из них сейчас сидят или уже сдохли, но чего еще ожидать от района, где водка и героин – важнейшие составляющие культурного отдыха на протяжении нескольких поколений.

Кроме того, здесь живет Монах, а его квартира для меня – объект вожделения, глоток свободы с самого нашего детства, когда мы были с ним детьми и убегали сюда, прогуливая уроки, а его дед никогда не сдавал нас, и мы просто сидели и слушали его рассказы о том, как он жил в свое время, а у него было, что рассказать всем, кто станет слушать.

Я часто бывал здесь у бабушки и дедушки, когда был маленьким, и до сих пор эти старые районы заставляют вспоминать меня те золотые детские дни, когда не нужно бы-

ло заморачиваться и можно было жить, ни о чем не думая, вдали от насилия и войн, политики и работы, ответственности и взрослых проблем. Тогда мы днями напролет носились по двору и пинали мяч вместе с местными пацанами.

Когда я был еще совсем ребенком, мы с дедом спали в одной комнате, и он всегда смотрел телевизор, выключив свет, и я отлично помню этот манящий сумрак маленькой и уютной квартиры, легкое гудение телевизора, очень контрастный экран, яркие разноцветные картинки сменяли друг друга то быстро, то слишком медленно, и я наблюдал за этой игрой света на потолке и стенах маленькой комнаты, а когда телевизор умолкал, и мы ложились спать, фонарь за окном выбрасывал резаные блики покачивающихся деревьев на те места, где еще недавно я наблюдал за движением световых красок из экрана телевизора.

Ливень постепенно переходит во что-то наподобие шторма. Я ускоряю шаг, я промок насквозь, но настроение отличное, я иду вперед и слева вижу дом, в котором живет моя бабушка, на кухне горит свет, и я иду дальше, прохожу еще два дома, сворачиваю направо во двор, иду вдоль подъездов и останавливаюсь у последнего. Я захожу под крышу и решаю выкурить сигарету прежде, чем войти.

Я наслаждаюсь горьким дымом серого «Вэста» и вспоминаю, когда впервые попробовал курить. Это было лет десять назад, когда мы с моим другом Костиком ходили после школы гулять за сосновый лес на склон огромной горы, которую

отчетливо видно из северного окна моей квартиры. Мы стояли и курили этот самый серый «Вэст». Это были первые сигареты, которые я попробовал, потому что их курил Костик. У них до сих пор сохранился этот необычный фильтр, похожий на маленький вентилятор.

Костик умер несколько лет назад, а я до сих пор курю эти сигареты. Я часто думаю о нем. Скоро годовщина, и я вспоминаю, как мне позвонила его сестра и сказала, что его больше нет. Самое интересное, что я даже не знал, что он оказался в больнице. Мы не виделись с ним пару недель после очередной вечеринки у него дома, когда алкоголь лился рекой, а дороги порошка раскатывались на столе, как будто выпал первый снег.

Я знал про его проблемы с алкоголем. Впрочем, у кого из нас их не было? Однако эта новость была настолько неожиданной, что я поначалу не мог поверить, когда его сестра сообщила мне это по телефону. Она сказала, врачи сделали все возможное. Все, что было в их силах. Она плакала, и я просто повесил трубку, потому что мне и самому было тяжело осознать это. До нового года оставалось всего пару дней, а он лежал там, в палате, разрезанный, с растерзанной печенью, и истекал кровью.

Я вспоминаю церковь на горе, где здоровенный поп бормотал какую-то библейскую херню и махал кадиллом, и поминки в местном кабаке, где я всю дорогу пялился на охуенную задницу официантки, подливавшей мне водку в рюмку.

Я вспоминаю тот холодный зимний ветер на снежном спуске старого кладбища, мерзлую землю, могилу и крест. А еще его фотокарточку за стеклом на могильной плите. А потом все ушли, а я стоял там и курил. Уходя, я положил на могильную плиту рядом с его карточкой пачку с последней сигаретой...

– Здорова, Диман, – Роман открывает мне дверь и жмет руку. – Не ожидал, что ты сегодня появишься.

На всю квартиру играет альбом «Nirvana» «Bleach», а это означает, что парни уже уделались. Я прохожу дальше и слышу, как в туалете кто-то конкретно блюет. Я заглядываю внутрь и вижу спину Монаха, который сидит на коленях, опустив голову в унитаз. Я здороваюсь с ним и, не дожидаясь ответа, захожу в комнату. Вечеринка в самом разгаре, судя по поведению хозяина квартиры, и я вижу Кирилла, предусмотрительно оккупировавшего компьютер, пока Монах занят прочищением желудка. Я здороваюсь с ним и Максом, развалившимся в кресле и пялящимся в ящик.

– Трудный день? – киваю я в сторону туалета.

– Ага, типа того, – Рома ржет и рассказывает мне, как несколько часов назад они с Монахом и Максом начинали ненавязчиво пить виски, когда заявился Кирилл, который, недолго думая, начал накуривать всех очередной порцией незабываемой травы, которой у него всегда с избытком, и все были уже пьяные и накуренные, когда Монах предложил дунуть еще и моего хеша вдобавок, и вот теперь, очевидно,

сам не рад, блюет дорогим вискарем в раздолбанном сортире старой квартирке в самом дрянном райончике гребаного Подмосковья.

Я прохожу на кухню и вижу привычную картину. Кухонный стол, который уже много лет не используется по назначению, завален кусками гашиша и травы, а если пошарить как следует по всей этой хате, то можно насобирать столько наркоты, что хватит на пару сроков.

Я открываю холодильник. Ни грамма еды, как всегда, впрочем, зато есть несколько бутылок «Жигулей». Я хватаю пару бутылок, одну протягиваю Роману, другую открываю сам, и очередной отпадный трип начинается прямо сейчас.

– За встречу, – я стучу свою бутылку об Ромину и заливаю в себя сразу половину.

– Они уже пару кусков тут скурили, прикинь? Не считая нескольких пробок травы, – ржет Роман.

Для него это, видите ли, слишком круто. Невоспитанный лицемер. Словно это не он рассказывал нам здесь, не далее чем пару недель назад, истории, в которых он скуривал по грамму хеша под соткой отменных грибов, а теперь стоит тут и делает вид, что это слишком много. Тот еще прошаренный клещара. Уверен, он тоже сегодня дул эту траву.

– Кто бы говорил, – я легонько пихаю его в бок, подмигивая, допиваю свое пиво и закурываю сигарету.

– А ты сам-то что? Я чувствую запах перегара, дружище. Так что не надо тут мне втирать, что ведешь здоровый образ

жизни! – смеется Роман и прикладывается к пиву.

– Я водки сегодня налупился. С Мишей и Санчесом. Хорошо, успел плотно перекусить в вокзальной забегаловке. Неплохо было бы дунуть. Если ты составишь мне компанию, конечно, – я смеюсь, подмигиваю ему, докуриваю сигарету и достаю из холодильника еще одну бутылку пива.

– Как прошла тусовка в столице? Тебя не было несколько дней, чувак. Давай, рассказывай, – Роман, закашлявшись, знаками показывает мне подать ему пиво.

Я протягиваю ему бутылку, а сам достаю из холодильника еще одну.

– Как обычно, чувак. Все убиты в хлам, – я пожимаю плечами и делаю глоток. – Молодец, что не поехал. Нечего там делать. Меня это уже заебал, если честно.

– Не удивил, – Рома смеется и закидывается пивом.

– Хорошо, что с ними Макс не тусуется, а только играет. А то бы давно уже спился.

– Можно подумать, с нами он не сопьется.

Мы оба смеемся. Миша с Санчесом пьют дальше, чем видят. Так всегда было. Кроме того, Миша сидит на системе уже несколько лет. Когда у него заканчивается героин, он едет в Дмитров и тусуется у Степы на квартире со всей его шоблой. Как правило, это заканчивается больницей. Когда-нибудь это его убьет, но гитарист и вокалист он отменный. Санчес в таких ситуациях остается один и либо тоже едет в Дмитров и тусуется с нами у Монаха, либо остается

в Москве и бухает по притонам, трахая сомнительных дамочек.

На кухне появляется Макс, а Роман отваливает посмотреть, как там Монах. Макс берет у меня пару кусков гашиша. Похоже, он серьезно мутит с той самой дамочкой, с которой я встретил его несколько дней назад в центре. Стройная фигура, рыжие волосы. Красотка. Видимо, она и дунуть тоже не против. Следовательно, Макса ждет сегодня отличный вечер и охуенный секс под накурком. Мы треплемся с ним о новом альбоме «Arctic Monkeys».

На кухне в сопровождении смеющегося Романа появляется Монах. Выглядит он ужасно. Похоже, блевка не пошла ему на пользу. Он падает на микроволновку, которая уже много лет используется как стул, и сидит неподвижно какое-то время. Потом встает и гребет по стенке в сторону комнаты. Я слышу даже отсюда, сквозь музыку, как он падает на диван.

– Прикинь, Диман, я знаю пацана, который ни разу в жизни не выпил даже бутылки пива, – на кухню вваливается возбужденный Кирилл. – Как так можно, чувак? Я не понимаю.

– Не знаю, дружище, – я пожимаю плечами, а где-то в глубине души завидую этому парню.

Кирилл вытаскивает из холодильника пиво. Такое ощущение, что оно там вообще никогда не кончается. Как и пустые майонезные банки.

– А я вот с удовольствием выпью в отличие от этого чува-

ка, – говорит Кирилл и делает большой глоток.

– Ну что, парни, пора уже дунуть как следует, а? – заговорщицки говорит Роман.

Я берусь за дело, а Рома тем временем вспоминает, как мы с ним только начинали играть и репетировали у Монаха вдвоем, когда наша студия только создавалась, пиво и море гашиша, куча порошка, и мы играли крутые вещи тогда, а эта квартира стала нашим домом на долгое время, музыка и алкоголь, наркотики и свобода, и он вспоминает, как мы с ним сидели на крыше старого стадиона, закинувшись крутейшими колесами и пялились на город, как представляли, что мы на концерте на этой самой крыше играем перед толпой поклонников, и мы кривлялись и изображали свое выступление, словно это было на самом деле, как курили гашиш на крыше высотки в центре города, смотря на заходящее солнце, и у меня в ушах играл «Fink», удивительные кислотные вечера на старом стадионе и у Монаха, когда там звучал «Дельфин», а мы курили в сильнейшем трипе и догонялись под изумительную музыку, взрывающую нас изнутри...

Мы накуриваемся и допиваем весь запас пива в холодильнике Монаха. Макс уходит к своей рыжеволосой дамочке, а Кирилл уезжает на такси домой. Монах вроде бы немного приходит в себя. Он стоит со стаканом крепкого чая в руке и рассказывает нам свое очередное компьютерное приключение. Он находит благодарного слушателя в лице Романа,

а я начинаю аккуратно раскатывать на столе оставшийся после прошлой вечеринки порошок, удивляясь, как это Роман до него еще не добрался.

– Ну, что, друзья мои? – я стучу карточкой по столу. – Засобачим слегонцухи?

Спустя некоторое время я сижу, пью виски, пытаюсь смыть привкус амфетамина, и думаю о своих друзьях, находящихся сейчас здесь, тех, которые были здесь совсем недавно, и всех остальных, вошедших в мою жизнь к этому моменту или уже покинувших ее, и думаю, что немногие из оставшихся пройдут со мной весь этот путь до конца. Я и сам не знаю, где я сейчас. Может, в начале, может, в середине или уже в конце. И что это за путь такой? К чему он ведет, что означает? Но я точно знаю, что скоро многие сойду с дистанции, если только не угробят себя раньше...

Для большинства людей такое времяпровождение – это временное мероприятие. Впоследствии у них появляются надоедливые дамочки, вокруг которых они начинают виться, думая, что это и есть смысл их жизни, заводят семью, рожают детей, набирают кучу кредитов и меняют летнюю резину на зимнюю, когда наступают первые холода. Я видел много таких людей. Но я видел и других. Таких, как я, Роман, Монах...

Я снова вспоминаю Костика. Он не вовремя ушел. Мне хотелось бы увидеть его сейчас, спустя столько лет. И мы бы снова, как тогда, посидели с ним на склоне огромной горы

за лесом, которую видно из северного окна моей квартиры, и покурили серый «Вэст»...

Под утро я иду домой, слушаю «Placebo» и вспоминаю Кристину. Я совершенно убит алкоголем и куревом, но порошок держит меня наплаву, отчего воспоминания, проносающиеся в голове, словно свежая горная река, становятся все более красочными. Я ощущаю их свежесть, как если бы это происходило со мной прямо сейчас. Как бы я сейчас хотел вернуться в то время... Серый «Вэст» и привкус водки с лимоном там, в Звездном городке...

Кристина... Мне часто становится трудно дышать, когда я вспоминаю ее и все, что нас связывало тогда. В прямом смысле у меня перехватывает дыхание, когда я ощущаю порой дуновение ветра, словно из нашего с ней времени, звуки оттуда, запахи прошлого, нашего с ней прошлого. Это было удивительное время. Мы были влюблены. Я был влюблен. Я и сейчас влюблен, хотя прошло уже столько времени. Сколько мне было тогда? Я ведь был совсем мальчишкой. Немало времени прошло с того момента, как я уехал от нее. Сбежал, испугался ответственности и перемен. Не захотел разделить ее внутренний мир и убеждения. Не захотел понять ее и поддержать...

Я вернулся, но было уже слишком поздно. С тех пор у меня было немало женщин, а еще Анечка и та чумовая девчонка в клубе «Blow Up», но тот маленький городок, крышу дома, окруженного лесом, «Дубовый Гаайъ», шуршащий

в ушах ковром из желтых опавших листьев, свой коричневый плащ, «Дельфина» и девочку в красной куртке у стелы с надписью «Звездный» мне не забыть никогда...

Героин

«Снаряд любви, как игла, утончен. Изящной линией делит небо...».

Я слышу голос Ильи Лагутенко, когда захожу к Степе в квартиру. Дверь не заперта, а в коридоре повсюду раскидана обувь и одежда. Я прохожу на кухню и здороваюсь со Степой и Джоном. Видно, что их тащит. Я улыбаюсь и ставлю на стол несколько бутылок пива. Парни рады меня видеть.

– Кайфуете понемногу, пацаны?

Я делаю огромный глоток из своей бутылки и закурываю сигарету. Степа с Джоном крепко нарубились. Они сидят и втыкают в пол. Степа пытается открыть бутылку, но ничего не получается. Я помогаю ему, он делает глоток и кивает в знак благодарности. Затем я открываю вторую и протягиваю ее Джону. Он отпивает немного и улыбается мне. Я смотрю на кучу порошка в середине стола. Должно быть, около килограмма. Видимо, парни решили заценить товар, который собираются вскоре продать.

– Я зацеплю немного, дружище? – спрашиваю я, Степа кивает, и я делаю себе небольшую дозу, чтобы напаснуться через бутылку.

Я вдыхаю героиновый дым, и он почти сразу начинает цеплять. Сильный. Похоже, относительно чистый. Где это они вымутили такой товар?

«Мне под кожу бы, под кожу мне запустить дельфинов стаю...».

Через несколько минут меня убирает наглухо. Я оставляю Степу и Джона на кухне и ухожу, прихватив пиво, в надежде найти укромный уголок, чтобы переждать приход. У Степы большая трехкомнатная квартира, первая из комнат которой оборудована для выращивания травы. В эту оранжерею я и отправляюсь, падаю там на пол и наслаждаюсь волной прихода.

Обволакивающая нежность... девственный оргазм... чувство полной свободы, независимости от жизни, людей, привычек... абсолютная безмятежность... погружение в царство тишины... неповторимые сочетания немислимых образов... необъяснимо-торжественных и спокойных, словно я смотрю фильм на старом черно-белом проекторе без звука... это нравится настолько сильно, насколько сильно и пугает...

«Режем мы полоски длинные, разветвляем, юность ставя крабам...».

Я лежу и вспоминаю, как Степа сказал мне однажды: «Если хочешь быть наркоманом, будь им, но запомни, что героин – это не наркотик. Героин – это конец...». Он не давал советов, но я хорошо запомнил эти слова.

Героин ломает волю. Я знаю это, потому что имею неплохой опыт употребления наркотических препаратов. Я часто думал обо всем этом и уверен в том, что часть людей, принимающих наркотики по каким-либо определенным или

неопределенным причинам, уже родились наркоманами. Как это ни странно звучит, скорее всего, это действительно так.

Мои детские фантазии, из-за которых я так долго не умел завести друзей в детстве, делавшие меня непонятым для большинства окружающих, нашли воплощение в моей настоящей жизни. Можно ли творить без наркотиков? Абсолютно точно, что можно. Но теперь это абсолютно точно неприменимо ко мне. Я уже не помню, когда написал что-то трезвым. Это стало частью меня. Алкоголь и наркотики – это мои верные спутники. Они – мои союзники.

«Тонешь, тонешь, не потонешь. Ты сломаешься однажды...».

Я поднимаюсь, допиваю пиво, а потом решаю прогуляться по квартире. В соседней комнате я натыкаюсь на Синего, нервно разговаривающего по телефону.

– Я тебе, блять, говорил, чтобы ты передал этому мудаку, чтобы он перезвонил мне, так, блять? Если этот пидор не перезвонит мне через пять минут, блять, у тебя будут проблемы, понял, нахуй?

Синий – типичный представитель местного быдла. Выглядит так, словно сбежал из девяностых. Кожаная куртка, бритая башка, тупой взгляд, руки в наколках и манера общения, заставляющая тебя нервничать. Мне он не нравится, но он – друг Степы. Ничего не поделаешь.

В другой комнате я обнаруживаю Мишу, развалившегося на диване. Давненько мы не виделись. Я протягиваю Мише

пиво, и мы долго разговариваем с ним обо всякой ерунде, он вспоминает наши совместные концерты, вспоминает ту самую тусовку в клубе «Blow Up», вспоминает то время, когда мы играли с нашими группами дома у Аси, когда шел дождь, и со мной была Кристина, она смеялась, нам было хорошо тогда вдвоем, а я почти позабыл то время, второй этаж огромного дома Аси, и мы смотрели через большое уходящее в пол окно на стену летнего ливня, на обрыв, покрытый старыми неровными деревьями, речку, бегущую вниз, небольшую и чистую, камни и крупные валуны разрушали спокойствие медленного течения, мы играли музыку, и Кристина смотрела на меня и улыбалась...

«Знаешь... Мне уже не важно... Все не так уж важно...».

– Давно ты здесь? – спрашиваю я у Миши. – Санчеса давно видел?

– Давно...

Мы сидим молча какое-то время и пьем пиво. На заднем плане я слышу, как «Мумий Тролль» сменяет «Земфира», потом я слышу «Сплин». Старые добрые девяностые.

– Я больше не хочу играть, чувак, – вдруг говорит Миша. – Меня больше не осталось.

Я не знаю, что ему ответить.

– Может, не время еще?..

– Я уже не помню, когда в последний раз брал гитару в руки.

Я пытаюсь вспомнить, когда в последний раз брал свою.

– Может, тебе стоит взять паузу, ненадолго подвязать?..

Но я понимаю, что это невозможно. Миша уже долгое время сидит на системе. Он не Степа. Он не может себе позволить принимать героин, когда вздумается. Все дело в его голове. Наркотик плотно там засел, и теперь отступать уже некуда.

– Знаешь, что меня держит в этой жизни, Диман? – Миша поворачивает голову в мою сторону и смотрит мне в глаза. – Каждое утро, когда я просыпаюсь и вижу солнце, которое пробивается сквозь шторы моей комнаты, я улыбаюсь и надеюсь на то, что этот день будет каким-то особенным, что он станет началом новой жизни, где все будет по-другому. Это длится всего несколько секунд, а потом я снова чувствую потребность встать и сварить себе дозу. И я живу не ради музыки, наркотиков, женщин или друзей, а именно ради этих самых секунд.

Он отворачивается к стене, а я встаю, иду к окну и закуриваю сигарету. У Степы из окна прекрасный вид на закат.

Экстази

– Ебаная хуйня, – шипит Роман, согнувшись пополам на стуле. – Полное говно, парни.

– Да, чуваки, – стонет Санчес с кровати. – Кисляк какой-то.

Макс лежит рядом с ним, тупо уставившись в ящик. Там, как всегда, показывают отборнейший бред. Меня самого крутит по полной программе. Судя по всему, в этих колесах вообще нет МДМА, зато героина хоть отбавляй. Я слышал об этом от Данилы. Он в теме, как что готовится.

– Что за гондоны эти дилеры. Хочешь позитивно отвиснуть с друзьями, а вместо этого получаешь мешок ебучего морфия, – кряхтит Роман со своего стула.

– Может, покурим слегка? – предлагает Макс.

Неплохая мысль. Медленные колеса в смеси с гашишем дают превосходный эффект. Мы вдвоем отправляемся на кухню. Роман сейчас курит редко, а Санчес в подобной ситуации всегда променяет на алкоголь любой наркотик, однако выбора у них скоро не останется. Мы уже запили эти колеса достаточным количеством пива, и оно просто кончилось. Я знаю, что скоро придется отсюда сваливать, но пока я просто хочу как следует дунуть.

Макс начинает лепить плюхи, а я прожигаю бутылку, аккуратно проводя пламенем зажигалки по рифленной поверх-

ности, затем протягиваю ее Максу. Мы курим так какое-то время, а потом на кухню врывается Санчес, обнаруживает, что в доме больше не осталось алкоголя, и предлагает выдвинуться на улицу.

Макс остается вместе с Романом и Монахом в квартире, а мы выходим во двор и, пройдя всего несколько метров, останавливаемся на углу дома отдышаться.

– Самые отвратные колеса, что я пробовал, – говорю я и закурываю сигарету.

– Полностью согласен с тобой, чувак, – Санчес закуривает свою, и мы двигаемся дальше.

Свежий осенний воздух немного приводит нас в чувство. Мы решаем отправиться на наш старый стадион и погулять там немного. Мы наворачиваем несколько кругов вокруг стадиона, и становится заметно лучше. Кровь начинает разогреваться, и мы двигаем в город.

– Тошнит, чувак, охуительно тошнит, – говорит Санчес, закуривая на ходу.

– Ты не думай об этом. Мне уже полегче, – говорю я, и это неправда, но мне не хочется поддаваться панике.

– Я бы не отказался от пива. Оно разгонит немного. Погнали в паб.

– Отличная идея. Заодно поссым.

Мы заходим в пивнуху, заказываем пива и направляемся в туалет.

– Эти ебаные колеса прут волнами, – мычит Санчес из со-

седней кабинки, и я слышу, как его рвет. – Просто пиздец.

Он прав. Когда я подхожу к зеркалу, то не узнаю себя. Трупная бледность, огромные зрачки. Становится труднее дышать с каждой минутой. Так страшно за себя мне еще никогда не было. Даже под кислотой. Тревога, паника, страх. Нужно умыться и постараться привести себя в порядок.

Пока Санчес блюет, я ставлю голову под кран с холодной водой в надежде прийти в чувство. Когда он выходит из кабинки и умывается, нам заметно легче. Мы идем к барной стойке, быстро выпиваем пиво и выходим на улицу подальше от посторонних глаз. Мы недолго сидим около фонтана в центре города, куря сигареты и пялясь на огни, а потом отправляемся обратно к Монаху.

– Это не экстази, а какая-то хуйня, – говорит Санчес.

Он уже пришел в себя и теперь нервно курил одну за одной.

– Я предупреждал, что дело может закончиться плохо. Сейчас все уже не то. Несколько лет назад можно было вымутить отличные колеса, вылет в стратосферу, а сейчас одно говно.

– Помнишь, как мы с тобой и Романом взяли десятку красных? – спрашивает Санчес. – Причем, совсем недавно.

– Еще бы. Мы тогда здорово отвисли на канале. Трудно забыть. А потом еще сидели ночью на мосту и охуевали от напряжения.

– Я помню, ты еще покурил.

– Да. Всадил пару плюх. Это меня и спасло. Зря вы отказались. Было бы полегче.

– Нет. Это не для меня. Не стоит мешать.

– Если хочешь, можешь закинуться. У меня с собой есть парочка таблеток с той вечеринки.

– Нет, дружище, спасибо. С меня хватит на сегодня.

Мы некоторое время сидим и вспоминаем много интересных тем из нашей прошлой жизни. Мы с Санчесом частенько отвисали в Москве, когда он снимал там квартиру. Тогда его финансовых возможностей хватало на это, и мы тусовались с ним в сомнительных рок-клубах, типа «Blow Up» или «Жесть», в «ОГИ» на Чистых прудах и других неформальных забегаловках.

Я вспоминаю, как меня выкинули на улицу из гей-клуба «Шанс» на Полежаевской двое здоровенных громил-охранников за то, что я чуть было не разбил лицо одному наглому пидору, который вздумал мне грубить у барной стойки, когда я пытался склеить его подружку.

На самом деле, гей-клубы созданы для того, чтобы клеить симпатичных пташек. Они отдыхают там со своими дружками-педиками, надеясь, что в таком месте никто не станет до них докапываться. Но тут-то и появлялись мы с Санчесом. Классное было время.

Помню, мы часто гоняли в электричках вместе с Монахом и Санчесом из Москвы, когда работали там. Мы брали по паре «Гинессов» на брата, приезжали в Дмитров и отправля-

лись догоняться к Монаху, где нас уже ждал Роман.

Спустя некоторое время мы стоим у подъезда Монаха и курим.

– Чувак, я пойду домой, – говорит Санчес. – Нет настроения. С меня хватит.

Я его прекрасно понимаю. Мне и самому не хочется возвращаться к Монаху. В это время из подъезда выходит Роман.

– Я думал, вы свалили, – говорит он, закуривая.

– Я уже сваливаю, – говорит Санчес. – Заебали меня ваши колеса.

– Макс у Монаха? – спрашиваю я.

– Нет, – говорит Роман, – домой пошел.

Мы провожаем Санчеса, а сами еще долго бродим по дворам на «Космосе», не зная, чем заняться, когда раздается спасительный звонок. Кирилл говорит, что идет к Монаху. Мы встречаем его на железке и уговариваем отправиться на стадион и выпить с нами. Он соглашается, но настаивает, чтобы мы пошли не на наш старый стадион, где мы обычно проводим время, а на действующий, где проводит свои матчи «ФК Дмитров». Мы не возражаем и отправляемся в магазин, покупаем бутылку водки и несколько бутылок пива, идем на стадион, перелазаем через ограждения и проходим на наш сектор.

Я достаю два колеса, оставшиеся у меня после той умопомрачительной тусовки на канале, о которой мы вспоминали

сегодня с Санчесом, Роман смеется, явно не ожидал такого поворота, и я протягиваю одно ему, другое заглываю сам, а Кирилл поддерживает нас пивом.

Он не любитель крепких наркотиков, хотя вместе с нами перепробовал многое. Он ценит выпить и покурить. Это хорошо, потому что мне не хотелось бы приучать его к такому образу жизни, как у меня. Мне, впрочем, и его увлечение движухами вокруг футбола не слишком нравится, учитывая то, что в последнее время я все чаще замечаю его в компании Сени и Стаса. Это опасная компания, и для такого увлекающегося человека, как Кирилл, все может обернуться совсем не так радостно, как он предполагает. Впрочем, я не лезу к нему с нравоучениями. Думаю, у нас еще будет время поговорить с ним на эту тему.

Мы пьем пиво, сидим и пьемся на прожекторы стадиона. Волшебный свет озаряет футбольное поле, словно в какой-то компьютерной игре, и краски с течением времени начинают приобретать загадочный оттенок, а окружающий мир становится более четким. Волна прихода накатывает словно ниоткуда, возбуждая каждую клеточку тела, и кровь начинает в буквальном смысле закипать, будто внутри меня лопаются невидимые пузырьки, и хочется взлететь, оторваться от земли. Я смотрю на Рому и вижу, что его тоже вставляет. Мы поднимаемся на ноги, я включаю на телефоне «Arctic Monkeys», и мы начинаем плясать и подпевать Алексу Тернеру, залипая время от времени на футбольное поле в свете

ярких прожекторов.

Эти колеса не сравнить с теми, которыми мы недавно закинулись у Монаха, и я начинаю немного побаиваться за свой организм, потому что сердце мое готово выпрыгнуть из груди. Кирилл тем временем разливает водку, и мы хватаем пластиковые стаканы, стучимся ими и выпиваем.

Под действием экстази время проходит неумолимо быстро, мы запиваем водку пивом, а Кирилл забивает себе очередной косяк. Я говорю ему, чтобы не смешивал, а то срубит, но он не слушает, упрямо мотая головой, и напасывается до предела. В этом героизме ему стоит посостязаться с Санчесом. Думаю, дело закончится боевой ничьей и заблеваным помещением.

Спустя некоторое время алкоголь заканчивается, и мы начинаем собираться домой. Нас с Ромой все еще прут колеса, несмотря на количество выпитого, а Кирилл, убитый последним напасом, полулежит на трибуне, бормоча какую-то невнятную херню. Мне приходится вызвать такси, чтобы отвезти этого мелкого засранца домой, хотя я не против прогуляться.

Мы прощаемся с Романом после того, как он помогает мне загрузить убитого в хлам Кирилла в машину, и я говорю недовольному таксисту адрес. Водитель не рад сложившейся ситуации, но вид новенькой пятыхатки заметно смягчает его суровый настрой, однако, спустя пару минут езды, не выдержав постоянных торможений и поворотов, Кирилл, чудом

успев открыть дверь на ходу, начинает блевать на встречные машины и припозднившихся прохожих, чего я, конечно же, ожидал, и под матерный аккомпанемент охуевшего таксиста я достаю из кармана последние пятьсот рублей и протягиваю их ему. Тот, немного смягчившись, но продолжая материться, довозит нас до указанного адреса.

Я вытаскиваю обдолбанного пиздюка из машины и тащу в подъезд. Дорого же ты обходишься, хулиган. Кирилл весьма атлетичен, идеальная фигура, сложен как бетонное укрепление, примерно на голову выше меня и весит около сотки, а я, между прочим, тоже весьма устал, так что мне данное мероприятие дается крайне не легко, но я не могу бросить его в таком виде, тем более, что это я пригласил его на стадион.

Я затаскиваю его в лифт, довожу до квартиры, сажаю его под дверь, нажимаю на кнопку звонка и резко сваливаю. Классика, блять. Не хватало еще разбираться с его матерью и пропалиться. Этого мне точно не нужно. Не сегодня. С меня хватит.

Футбол

– Эта телка – настоящий спермосборник, блять! Лучший минет в моей жизни, чувак! – Данила наклоняется ко мне, и я чувствую сильный запах многодневного перегара. – Просто охуительно! Заглатывает так, как будто всю жизнь только этим и занималась.

– Так она всю жизнь только этим и занималась, дружище, – Стас смеется и, наклонившись к Даниле, шепчет на ухо. – Могу поспорить, она проглотила твою мерзкую молоку, грязная шлюха.

Мы все смеемся, пока Данила, расхаживая по вагону, в подробностях рассказывает их со Стасом совместные приключения.

Вот, что мне нравится в этих парнях. Старая школа. Одежда по теме, без вычурности, которая действительно не привлекает к себе внимания, не то, что у этих современных псевдофанатов-малолеток, смотревших новомодные фильмы про футбольные махачи в то время, когда мы уже стояли на секторах стадионов.

Пара банок пива не может помешать заварушке на футбольном матче. Даже совсем наоборот. Так что идите нахуй со своим здоровым образом жизни. Мы здесь, в этой электричке, едем на футбол и по старой доброй традиции заправляемся алкоголем, который непременно поможет для подня-

тия настроения и боевого духа, а если дело примет дурной оборот, поможет смягчить получаемые удары.

Я совсем позабыл, как это – ездить на футбол в окружении старых приятелей, которых не видел уже несколько лет, но ничего не изменилось, мы иногда созваниваемся, но не более, мы не хотим знать, что интересно каждому из нас, помимо футбола, хотя про многих нам известно, ведь это неизбежно – делиться личной информацией, однако единственное, что нас объединяет сейчас, это футбол, и мы не хотим знать что-то большее, потому что, когда матч закончится, мы все вернемся к своей прежней жизни.

Все парни в вагоне этой собаки – тертые перцы. Старое поколение. Некоторым уже за тридцать. Они побывали не в одной заварушке за все это время. Я гляжу на знакомые лица. Сеня сидит со своей фирмой через ряд от нас, Стас и Данила с несколькими местными парнями тусуются напротив.

Сейчас движение в маленьких клубах, типа «ФК Дмитров», неизбежно подминают под себя более крутые и многочисленные движи. Очень жаль, что культура футбола в таких городах, как мой, оставляет желать лучшего. Мне не нравится, что весь Дмитров гоняет за «Спартак», и парни из мясных фирм задают тон всему околофутболу в этом районе Подмосковья. Стас и его парни – приятное исключение. Вокруг «Спартака» в последнее время появилось слишком много шушеры, а вот «Торпедо» – совсем другое дело. В этой ко-

манде нет случайно вовлеченных типов.

Я помню, Стас никогда не любил «Спартак». Как и я. С самого детства мы испытывали негативное чувство к этому клубу, потому что за него болели все наши знакомые. Долбаная мода и ничего больше. Но мясные движи находятся в весьма теплых отношениях с нашими знакомыми конторами из «Торпедо». Приходится соблюдать правила. Не мне, впрочем. Это дело Стаса. У него в Дмитрове есть небольшая фирма, гоняющая за «Торпедо», и я часто составлял им компанию в прежние времена, когда на футбол ходили потому, что любили эту игру, а не потому, что так модно. Я вышел из околوفутбола ровно тогда, когда в него начали заходить спортсмены. Я считаю, что нельзя отделить футбол от повседневной жизни, если ты действительно любишь это действие, а современные лесные махачи на полянах – всего лишь замена спортзала, спортивное мероприятие, не более, а я не люблю спорт.

Я пью пиво и вспоминаю, как впервые оказался на «Восточке». Это было много лет назад, и это событие сильно запало в мою голову. Стадион «Торпедо» имени Эдуарда Стрельцова – чудесное место. Нереальная футбольная атмосфера. Каждый, кто хоть раз побывал там, не может с этим не согласиться. Я верю, что «Торпедо» выкарабкается. Таких команд больше нет в нашем футболе, и мне неприятно видеть, как тупые руководители смешивают великий клуб с дерьмом.

Я помню, когда «Торпедо» вернулся в профессиональный футбол, и на первый матч в гости на Восточную улицу отправился наш «ФК Дмитров». Это было неописуемо круто. Мне позвонил Стас и сказал, что нужно обязательно ехать. Он был в восторге и кричал в телефон. Я помню, мы разместились на западной трибуне вместе с нашими парнями из Дмитрова, а Стас со своей конторой встали на восточной трибуне.

Это был классный матч. Здесь всех объединяло чувство какого-то своеобразного единения. На трибунах рядом с нами тусовался Сеня со своей мясной бандой, а в перерыве мы все вместе пили пиво у стадиона, обсуждали предстоящий сезон и прикалывались над руководством наших клубов. Во втором тайме за несколько минут до конца «ФК Дмитров» забил единственный гол в ворота «Торпедо», и матч в итоге закончился поражением для москвичей, но никто особенно не расстроился.

Сейчас дела у «ФК Дмитров» складываются не лучшим образом. В клубе нет денег, однако футболисты смотрятся неплохо. В этом и заключается особенность этих двух команд. Парни бьются до конца на поле, и это достойно уважения.

– Думаю, «ФК Дмитров» все же вылетит из профессионального футбола, – задумчиво говорю я Стасу. – Очень жаль, но это всего лишь вопрос времени.

– Зато «Торпедо» обязательно вернется в элиту, – отвеча-

ет он. – Это я обещаю.

– Я надеюсь на это. Будет хотя бы, за кем наблюдать в нашем футболе, если клуб окончательно не утопит в грязи коррупция и дерьмовое руководство.

Стас согласно кивает. Он мне нравится. Я могу назвать его своим другом. Мы с Сеней, Стасом и Костиком учились вместе в одном классе, и они, уже будучи подростками, начали гонять на футбол.

Стас – добрый парень, не лезет в неприятности, однако, если дело повернется слишком круто, всегда готов к действию. Сеня же – совсем другое дело. У меня никогда не получалось подружиться с ним. Я не знаю, о чем он думает, когда говорит с тобой. Это не значит, что он плохой человек, это значит, что я не могу его раскусить. Чтобы стать таким, как он, нужно идти по пути насилия долго и далеко, и он делал это последние десять лет. Его фирму сейчас уважают даже за границей.

– Ну, что? Порвем сегодня этих уебков? – он подсаживается к нам и кладет руку Стасу на плечо.

Опасный тип. Один из тех, о ком думаешь, что хорошо, что он на твоей стороне.

– Даже не сомневайся, – Стас поднимет бутылку как бы в его честь и делает глоток.

– Крутой будет выезд, – Сеня довольно улыбается и поворачивается ко мне. – Ты же знаешь этот город, да, Диман?

– Да. Я провел там много времени в детстве.

– Проведешь нас к стадиону?

– Конечно.

– Вздрючим ебанных шавок!

Я слышал о том, что местные фанаты имеют репутацию антифашистов, но мне абсолютно все равно. Я не люблю, когда футбол начинают смешивать с политикой. Мне наплевать, каких политических взглядов придерживаются люди, сидящие на противоположной трибуне. Пьяный махач, швыряние кресел, пение фанатов и мяч на зеленой лужайке – вот, что действительно имеет значение. Это и есть настоящий футбол. То же самое касается и музыки. Как только она начинает мешаться с политикой, получается полное дерьмо. «Rage Against the Machine» – единственное, на мой взгляд, удачное исключение из этого правила.

Сеня уходит дослушивать рассказ Данилы о глотании спермы и шлюхах, а мы со Стасом продолжаем пить пиво и вспоминать прошедшие веселые деньки, когда мы вместе гоняли за «ФК Дмитров».

– Ну, что, скины, готовы покуролесить? – Данила садится рядом с нами и прикладывается к пиву.

Мы пьем с ним какое-то время, а потом он отваливает к другой компании пацанов, едущих с нами.

Данила мне приятен. Нас познакомил Стас несколько лет назад во время очередного автозаводского матча. Он не производит впечатления диллера, несмотря на то, что через него проходит куча разного рода веществ. Меня это не парит, од-

нако он позиционирует себя как правый. Я – националист, но никогда не стремился уходить в крайности в отношении этой темы. Странно слушать рассуждения о чистоте нации, когда сам же загрязняешь свою кровь и кровь других жесткой химией. Впрочем, я не хочу рассуждать об этом. Наркотики – странная тема. О них можно говорит часами.

Данила живет в Москве, но вчера они со Стасом решили провести незабываемый вечер в одном из клубов в Дмитрове, поэтому он сегодня едет с нами. Как только мы доберемся до столицы, нас встретят еще десяток крепких парней из его команды. Когда я узнал об этом, то сразу понял, что сегодня намечается конкретная заварушка, и матч «ФК Дмитров» – это всего лишь прикрытие.

– Стас, погляди на этих пацанов, – я показываю на парней, сидящих через пару сидений от нас, – они к тебе в основу метят? Я их раньше не видел.

– Нет. Это мясные. Их Сеня обрабатывает. Хочет подтянуть к себе в контору. По мне, так он всякий сброд собирает. На его договорняках пацаны здоровье теряют, но спорить с ним никто не хочет. Короче, это их проблема, Диман. Черно-белые такой ерундой никогда не занимались.

– Я понимаю. Не люблю договорняки. Околофутбол стал каким-то прилизанным, не находишь? Теперь нет хулиганов. Теперь все спортсмены.

– Ты поэтому перестал ездить?

– Ага. Веселье закончилось. Драться ради драки с молод-

чиками, которые даже на стадионе ни разу не были, это не веселье.

Я допиваю пиво и достаю еще. Времена меняются. Я понимаю, что это стало частью жизни Стаса, но я смотрю на футбол немного под другим углом. Я во всем ищу позитив и не поддерживаю жестокость. Но когда ты в фирме, то должен следовать определенным правилам и устоям, потому что все, что у тебя есть в этой среде, это твоя репутация. Это своего рода зависимость, а мне вполне хватает своей, поэтому я никогда не соглашался вступить к ним.

В вагон заходят несколько знакомых парней. Я смотрю на них и узнаю Кирилла. Он подходит к нам и улыбается.

– Здорово, Диман, не ожидал тебя здесь увидеть, – он здороваётся с нами и садится рядом. – Какими судьбами?

– А ты сам-то как думаешь? – я улыбаюсь и протягиваю ему пиво.

– Я думал, ты завязал, – он берет предложенную бутылку и делает глоток. – Значит, едешь с нами?

– Скорее, вы со мной, – я смеюсь и подмигиваю Стасу.

Похоже, Кирилл вписался в движуху. Это плохо. Он еще не готов и может серьезно пострадать. Махач на поляне с конями или динамиками – дело серьезное, но Кирилл, видимо, не врубается в это. Я поговорю с ним, когда вернусь домой.

– Сделаем сегодня этих мудаков, – он смотрит на меня, как бы ища одобрение, но мне становится неуютно.

Дань моде может закончиться очень печально, но я знаю

Кирилла и знаю, что слушать меня сейчас, когда с ним его новые друзья, он не станет. Я допиваю пиво и предлагаю ему прогуляться в тамбур.

– Будь сегодня поосторожнее, дружище, – говорю я, закуривая сигарету, – там будет опасно.

– Да это просто сборище деревенских мудаков, Диман, – он улыбается и смотрит на меня, словно я сказал какую-то глупость.

Значит, Сеня не предупредил их, что это проверка. За стадионом сегодня намечается неплохой махач, и, видимо, Сеня не хочет, чтобы его подопытные малолетки обоссались раньше времени.

– Что за пацаны с тобой? – я отворачиваюсь к грязному окну электрички, с сожалением глядя на осенний дождь.

Бесполезно что-либо ему объяснять. Я лишь хочу надеяться на то, что он будет сегодня осторожным.

– Да так. Знакомые хулиганы из нашей новой фирмы.

Мне невольно становится смешно. Давненько я не был на местном футболе, и уже не в курсе, какие дела творятся вокруг нашего клуба.

– Это не хулиганы. Это ебаные спортсмены, чувак, – я выбрасываю сигарету и захожу в вагон.

Мне становится некомфортно здесь, среди этих людей. Похоже, я действительно перестаю врубаться в тему. Слишком многое изменилось. Я болею за «ФК Дмитров», мне нравится «Торпедо», я участвовал в нескольких спонтанных ма-

хачах за эти клубы, но у меня никогда не было той ненависти, какую я наблюдал и наблюдаю у окружающих сейчас меня людей по отношению к «ЦСКА», «Динамо», «Локомотиву» и прочим командам. Я не люблю их, но не более чем тот же «Спартак». Я дрался с их фанатами, но ненавидел ли я их за то, что они выбрали другой цвет? Нет. Хотя, стоит признать, глумиться над ними время от времени – очень веселое занятие. Это неотъемлемая часть мира под названием футбол.

Я направляюсь к Сене и прошу выйти его со мной на пару слов. Мы стоим в тамбуре, разговариваем пару минут, и я ощущаю все враждебность этого парня, хотя мы знаем друг друга уже немало лет, он – тертый калач, и я прошу его присмотреть сегодня за Кириллом, он соглашается, но по выражению его лица я понимаю, что думает он совершенно о другом, уходит обратно в вагон, а я снова закуриваю, смотрю на дождь за окном и жалею, что вообще поехал сегодня на футбол. Что-то стоит оставить в прошлом навсегда, если это действительно в прошлом.

Мы без проблем добираемся до Москвы, где нас встречают друзья Данилы. Некоторые парни, в том числе и Кирилл со своими малолетними дружками, пересаживаются к ним в машины и далее едут на них, а мы с Сеней, Стасом и другими парнями едем с Курского вокзала на электричке. Спустя пару часов собака подъезжает к станции, и я вижу сквозь мутное стекло и капли дождя стенд с названием города мо-

его детства. Я очень давно не был здесь.

В тамбур выходит Стас. Он кладет руку мне на плечо и говорит, чтобы я не переживал, что все будет хорошо, но он не понимает, что именно загоняет меня в этот момент. Я говорю ему, что все в порядке и хлопаю его по плечу. Я говорю Сене, чтобы он со своими парнями проехал еще немного и вышел на следующей станции, которая расположена почти у самого стадиона, и объясняю, как туда пройти. Электричка останавливается, и мы со Стасом и автозаводскими ребятами выходим в город, а основная группа парней едет дальше.

Мы идем по отдаленно знакомым мне районам, там, где я рос, и я частично вспоминаю дорогу, хотя не был здесь уже много лет. Город изменился. Теперь от старых знакомых улиц не осталось и следа. Только размытые детские воспоминания маленького мальчика.

Когда я был ребенком, отец всегда брал меня на футбол или хоккей. Мы часто гуляли с ним здесь, когда я был совсем маленьким, и я всегда чувствовал его любовь и заботу. Они с мамой были отличной парой в молодости. Музыкант и модель. Классическое сочетание. Они познакомились в педагогическом институте, когда вместе учились. Быстро поженились, и через год родился я.

С течением времени я начал понимать, почему они развелись. Отец никогда не соответствовал запросам мамы, но сильные чувства поначалу откидывали их разность на второй план. Уверен, их секс был чудесен, но противопо-

ложности не могут существовать вместе. Это откровенная ерунда, и их ошибка заключалась в том, что они не смогли понять это раньше.

Родители развелись, когда мне было пятнадцать. Я уже тогда понимал, что это единственно верный вариант, но отцу развод дался нелегко. Он сильно переживал в то время и много пил. Впрочем, пил он всегда. В этом мы с ним похожи. Одного поля ягоды. Мама не переживала. У нее всю жизнь отбоя не было от мужиков, так что с этой ситуацией она справилась относительно легко.

Сейчас отец живет в соседнем районе, отдельно от нас с мамой, но, мне кажется, он до сих пор переживает. Он любил ее больше, чем она его. Я знаю, что у него тоже было немало женщин после развода, но она запала ему в голову, как Кристина запала в голову мне.

У меня отличные отношения со своими родителями. Если я не сильно обдолбан, мы подолгу разговариваем с мамой, сидя вечером на кухне, и я могу свободно поделиться с ней всем, что меня тревожит. Отец замутил художественную мастерскую в своем гараже. Он отлично рисует и выставляет свои работы на выставках. Мы, бывает, выпиваем вместе, когда наведываемся к нему с Романом, и дело обычно заканчивается мощнейшим утренним похмельем.

Моя мама – успешный человек. Она работает в нашей администрации. Занимается социальными вопросами или чем-то таким. Я не очень разбираюсь в этом, несмотря

на свое образование, потому что все эти темы слишком далеки от меня. Отец же – совсем наоборот. Несмотря на то, что его работы весьма ценятся, он не умеет зарабатывать на этом. Он говорит, что искусство не продается, и я согласен с ним, однако в современном мире это высказывание – просто пафосный атавизм. Все дело в том, что мы с отцом абсолютно никчемные в этой жизни люди. Мы не приспособлены к окружающей действительности. Мы родились не в то время. А иногда мне даже кажется, что не на той планете.

До стадиона остается пара переулков, когда Стас указывает мне на нескольких парней, собравшихся возле магазина через дом от нас в конце улицы.

– По одежде видно – на футбол пришли, – он смеется и говорит своим пацанам собраться.

– Валите нахуй, уебки! – орет какой-то тип из местных, когда мы подходим достаточно близко для прыжка.

– Давай, мудилы! – Стас выходит вперед, расставив руки, и призывает уже сгруппировавшихся местных начать веселье.

Честно признаться, я не ожидал, что действие начнется так скоро и без участия Сениной бригады, однако с этими пацанами мы и сами сможем справиться. Адреналин подскакивает, и мы начинаем двигаться им навстречу, сходимся, и парни из «Торпедо» начинают планомерно вбивать местных в землю, одного за другим.

Мне достается убудочного вида малолетка в спортивных

штанах и кепке, и я луплю его кулаком в лицо, тот падает, мы проходим вперед, оставляя нескольких поклонников местного клуба валяться на асфальте, двигаемся дальше, и я вижу, как из-за угла показывается еще около двадцати местных, они бегут на нас и атакуют, автозаводским парням сильно достается, но они не отступают, Стас оказывается рядом со мной позади основной группы, мы пытаемся сдержать натиск, ведь нас вдвое меньше, и тут я слышу крики впереди по улице и замечаю толпу наших парней, бегущих к нам, они вклиниваются сзади в ряды местных, вырубая их на ходу одного за другим, некоторым достается действительно сильно, многие из них пытаются выйти из неожиданного окружения, но ничего не выходит, я уже не вмешиваюсь, смотрю на все действие со стороны, рядом – Стас, и я замечаю Кирилла, бросающегося в самую гущу событий, а местные уже почти все лежат на земле, милицейские сирены раздаются совсем рядом с нами, и Сеня орет, чтобы все двигали врассыпную, и вот мы уже бежим по переулкам, ведущим по направлению к футбольному полю, смешиваемся с обычными людьми, а потом некоторое время бродим вокруг стадиона и ждем, пока весь наш состав соберется вместе.

Футбольный матч проходит в непередаваемой атмосфере. Наша трибуна взвинчена, фаеры и дымовые шашки летят на поле, и копы выстраиваются перед нами в линию, чтобы после игры вывести со стадиона. «ФК Дмитров» уверенно обыгрывает местную команду со счетом 3:0, мы орем песни,

заводим противника и милицию.

Спустя какое-то время мы выходим со стадиона и организовано собираемся вместе. Они стоят прямо напротив нас. Через дорогу. Двадцать метров, не более. Кони или динамики. Не могу точно сказать, потому что не знаю, с кем именно договаривался встретиться Сеня. Возможно, те и другие. Нас разделяет лишь цепочка из стражей порядка. Но даже это не стало бы проблемой, если бы не собаки. Я чувствую мощнейший выброс адреналина после первой сегодняшней схватки с местными и жаркой атмосферы футбольного матча и не могу устоять на месте. Мы все взвинчены, и это начинает захватывать, как в старые добрые времена. В такие моменты хочется бросить музыку, наркотики, алкоголь, женщин и прочую херню. Сейчас существуем лишь мы и они. И еще долбаные копы. Но в этом отношении все ясно. Им не устоять, когда мы сойдемся. Даже собаки уже не кажутся такими агрессивными, потому что все, чего нужно опасаться, это не животные.

Полсотни сильных здоровых мужчин прямо напротив нас, и я знаю, что у меня нет шанса в этой драке, но футбольное безумие гонит вперед, и вот уже мы начинаем стремительное движение прямо к ним, через копов, пытающихся сдержат агрессию, смешанную с нереальным драйвом, наваливаемся всей толпой на нестройный ряд милиции и уже наплевать на собак, на щиты и каски, они теряются, не успевают сгруппироваться, и я колочу какого-то придурка в форме прямо

по стеклу его каски, сбивая кулаки в кровь, попадаю в лицо и вижу его взгляд, затравленный, напуганный, как у бездомного щенка, мы отбрасываем их стремительным рывком, а противник даже не делает попыток вмешаться в происходящее, видя, как мы тратим силы на стычку с милицией, но вот они уже выстраиваются и начинают двигаться нам навстречу, бегут и атакуют, копы рассеяны по всей дороге, лай собак и крики мужчин, дорвавшихся до долгожданного мордобоя, выходные, и мы занимаемся откровенной ерундой, долбая друг друга по лицу, нанося раны и ссадины, шрамы украшают мужчину, но здесь дело может принять дурной оборот, ведь на таком футболе всегда опасно, особенно если ты ищешь этой самой опасности, а противник уже полностью владеет ситуацией, наши силы потеряны в стычке с копами, мы уже изрядно вымотаны, и я чувствую пинки и тупые удары, приходящиеся как-то вскользь, ничего особенного, и я не хотел бы оказаться нигде сейчас, кроме этого места, думал, что завязал с этим дерьмом, но нет, это чувство сравнимо с приходом самого крутого наркотика, но силы начинают покидать меня с непривычки, а наши первые ряды уже завалены или расползлись по дороге, я – на самом переднем фланге, бью какого-то парня в лицо, удар удаётся, первый ровный удар за сегодня, но он же и последний, потому что пара чуваков начинают плотно заниматься мной, а я не готов к такому напору, они знают, что делают, валят меня на землю, и я чувствую всю их ненависть на себе, глухие

удары приходятся вдоль всего тела, бьют со знанием своего предмета, и я понимаю, что мне не уцелеть, если меня не прикроют, но наши силы почти на исходе, наши парни пытаются пробиться ко мне, я вижу это, валяясь на земле, съевшись калачиком под ударами ног и рук, но у них ничего не получается, их отшвыривают обратно, я слышу вой сирен, и это единственное, что могло бы меня спасти, но не сегодня, ведь сегодня я здесь, на этом матче, футбол – лучшая игра на свете, и меня втаптывают в землю любители и преданные фанаты этого действия, спорт закаляет, но в моем случае это не пойдет мне на пользу, я все еще стараюсь уворачиваться, как могу, катаясь по земле, но эти ублюдки знают, что делают, а я обожаю это, чистейший драйв без договоров и судей, настоящий футбольный день, прошлое не забыто, и я сохраняю на лице некое подобие улыбки, меня не сломить, и вот уже подоспевшие копы вклиниваются в ряды дерущихся, нас вдвое меньше, но мы не сдаемся, хотя я вижу, что многих из наших парней пиздят за милую душу, драка растянулась по всей дороге, сто метров разбитых лиц и сточенных кулаков, милиция орудует дубинками, бьет парней, которые смешивают меня с землей, и впервые в жизни я благодарен этим тупым придуркам за мое избавление, потому что еще несколько секунд, и я бы не протянул, мне невыносимо больно, я не могу встать, даже не пытаюсь, и вот уже та и другая сторона вступает в драку с милицией, прекраснейший момент, но я вряд ли смогу принять участие в нем, за-

то я вижу Данилу, который вгоняет свой кулак в лицо какого-то малолетнего копа, но его тут же валят на землю и выбивают дурь подоспевшие блюстители порядка, видимо, он не поедет сегодня домой, рядом со мной падает еще один парень, местный, ему так же круто досталось, как и мне, может, еще хуже, он почти без сознания, но мне нечем ему помочь, и кто-то подхватывает меня и тянет вверх, это Сеня помогает мне подняться, все закончено, милиция победила, растащила в стороны дерущихся мудозвонов, все получили, что хотели, все счастливы, и я улыбаюсь вымученной улыбкой, кровь на руках, может, моя, может, чужая, и Сеня смеется, пытаюсь увести меня подальше от копов, которые забирают несколько участников этого увлекательнейшего мероприятия и уже принимаются за нас, и нет сил сопротивляться им, крики и заряды звучат повсеместно, мы все же устояли здесь сегодня, хотя не было никакого шанса на успех, но мы выступили весьма достойно, а теперь пришло время вернуться домой, к своей привычной жизни, каждому к своей, и я счастлив, что побывал сегодня здесь, разгрузка необходима, старые добрые деньки не забыты, я улыбаюсь, и кровь течет по лицу, Сеня смеется, кричит что-то нашим парням, они все смеются, орут заряды, а копы уже забрасывают нас в свой милицейский бобик, выходные, выезд, еще один наркотик, который навсегда застрял в моей голове...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.